

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

ХВОСТ СКОРПИОНА

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Звезды мирового детектива

Линкольн Чайлд
Хвост Скорпиона

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чайлд Л.

Хвост Скорпиона / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-22106-2

В городке золотоискателей, затерянном среди гор штата Нью-Мексико, задержан черный копатель, пытавшийся извлечь на свет мумифицированные человеческие останки. Расследование обстоятельств смерти неизвестного поручают специальному агенту ФБР Коринне Свенсон, она же, в свою очередь, обращается за помощью к археологу Норе Келли. Вид мумии свидетельствует о том, что этот человек умер в страшных мучениях, а рядом с телом обнаружен старинный золотой крест, отделанный драгоценными камнями. А если это сокровище из того легендарного клада, что спрятан в горах индейцами-пуэбло в эпоху испанской колонизации? Ответ на этот вопрос знал только мертвый... Но кто он такой, удастся ли установить его личность? Почему останки излучают сильную радиацию? Зацепки есть, но чем ближе к истине, тем больше странных смертей... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-22106-2

© Чайлд Л., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	17
5	20
6	24
7	27
8	32
9	37
10	39
11	41
12	44
13	49
14	51
15	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Линкольн Чайлд, Дуглас Престон

Хвост Скорпиона

Douglas Preston and Lincoln Child
THE SCORPION'S TAIL

Copyright © 2021 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child

© А. Д. Осипова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

* * *

В память об Уильяме Смитбеке-младшем.
IN PACE REQUIESCAT¹

¹ Покойся с миром (лат.).

1

С тех пор как восемь месяцев назад специальный агент Кори Свенсон окончила Академию, она привыкла ожидать чего угодно. Но она и подумать не могла, что ей придется вручать ордера рыдающим подросткам. Когда Кори ехала обратно через горы вместе с командой ФБР, она радовалась, что этот трудный день подходит к концу.

Они возвращались из маленького городка под названием Эджвуд, где только что предъявили ордер прыщавому хакеру, который, едва завидев агентов ФБР на пороге своего дома, залился слезами. Кори стало жалко мальчишку, но она тут же разозлилась на себя за мягкотелость: как ни крути, а этот соплик взломал засекреченную сеть Национальной лаборатории Лос-Аламоса просто так, «по приколу». Теперь все конфискованные компьютеры, внешние жесткие диски, айфон, флешки, приставка «PlayStation» и даже охранная система были погружены в черный «навигатор» с тонированными стеклами, за рулем которого сидела агент Лиз Хури, а пассажирское сиденье рядом с ней занимал агент Гарри Мартинес.

Кори ехала вместе со своим руководителем и наставником, специальным агентом Хэлом Морвудом, в самой невероятной полицейской машине, какую она когда-либо видела, – в навороченном пикапе «ниссан» последней модели, ярко-красного цвета, с гоночными полосками и наклейкой с китайским драконом, пересекающей капот по диагонали. Это было совершенно не в стиле сдержанного Морвуда. Когда Кори наконец набралась смелости и спросила, почему он выбрал такую машину, он ответил: «Я путешествую инкогнито».

– Итак, – сказал Морвуд, переходя на менторский тон. – Достаточно с вас на сегодня волнений?

Хотя сегодняшний день дался ей нелегко, Кори понимала, что это своего рода награда. Недаром она просиживала штаны за столом, усердно работая, чтобы произвести впечатление на Морвуда, и даже умудрилась сыграть важную роль в одном недавнем деле. Без сомнений, Морвуд считал, что эта поездка – что-то вроде увеселительной прогулки.

Однако Кори знала, что Морвуд не любит бурных изъятий благодарности.

– Как-то глупо идти на такое дело в бронежилете, – вместо этого заметила она.

– Всякое бывает. Мамаша этого парня просто на нас наорала, а могла бы и за «магнум» схватиться.

– И что теперь будут делать со всей этой компьютерной техникой?

– Проверят в лаборатории, установят, что конкретно он совершил и каким образом, а потом мы вернемся, арестуем парня, и жизнь его будет кончена.

Кори нервно сглотнула.

– Думаете, это слишком сурово? – спросил Морвуд.

– По правде говоря, на преступника он совсем не похож.

– Согласен. Умный парень из благополучной семьи среднего класса, круглый отличник, подающий большие надежды. Но в каком-то смысле он хуже ребят из гетто: те торгуют наркотиками просто потому, что не знают другой жизни. К тому же нашему мальчику восемнадцать, он взрослый человек, и он проник в систему, где хранится засекреченная информация о ядерных бомбах.

– Я все понимаю.

Немного погодя Морвуд сказал:

– Способность сострадать – это хорошо. Со временем многие агенты ее утрачивают. Но сострадание должно уравновешиваться чувством справедливости. Парнишку ждет справедливый суд, решение вынесут двенадцать обычных здравомыслящих американских граждан – все, как у нас принято. Замечательная система!

Кори кивнула. Морвуд был агентом с двадцатилетним стажем, и Кори не уставала удивляться тому, что он начисто лишен цинизма. Наверное, поэтому его назначили обучать новых агентов, проходящих двухлетний испытательный срок. Многие новички – в основном мужчины, но иногда и женщины – уже примеряли на себя образ крутых ребят, которых ничем не проймешь.

Они проезжали по старому шоссе 66 через город Тижерас, как вдруг Морвуд наклонился к приемнику и прибавил громкость полицейской волны, до этого тихонько что-то бормотавшей в качестве фона. «Местное, палаточный лагерь „Кедровый пик“, сообщение о стрельбе...»

Кори сразу перестала витать в облаках и наострила уши.

«По имеющейся информации, произошла бытовая ссора, в одного из обитателей лагеря стреляли, возможно убийство или взятие заложников. Место инцидента – палаточный лагерь «Кедровый пик», Нью-Мексико 252, поворот на каньон Сабино...»

– Будь я проклят, – сказал Морвуд, принимаясь возиться с навигатором, – это же прямо за углом. Похоже, дело как раз для нас. – Он потянулся к микрофону. – Специальные агенты Морвуд и Свенсон, Хури и Мартинес сигнал приняли. Едем через Тижерас по шестьдесят шестому шоссе, сворачиваем на юг, на Нью-Мексико триста тридцать семь. Через десять минут будем на месте.

Морвуд прибавил скорость, одновременно переговариваясь с диспетчером и агентами в другой машине. С шоссе 66 на трассу 337 он свернул так резко, что завизжали колеса. Теперь они направлялись к предгорьям Сандии. Морвуд включил сирену и поисковые фары со светодиодными лампами. Сидевшая за рулем джипа Хури последовала его примеру.

Диспетчер передала всю скудную информацию, имевшуюся в ее распоряжении. По сути, другие обитатели лагеря позвонили в службу 911 и сообщили, что в трейлере с раздвижными стенами что-то происходит: громкая ссора, крики женщины, потом выстрелы. Один человек утверждал, что слышал плач маленькой девочки. Естественно, все, кто был в лагере, поспешили унести оттуда ноги.

– Похоже, у нас появилась настоящая работа, а не какой-то плаксивый хакер, – заметил Морвуд. – Мы отреагировали на сигнал первыми. Проверьте оружие.

У Кори быстрее забило сердце. Она достала из кобуры под мышкой «Глок-19М», извлекла магазин, проверила его, вставила магазин обратно и убрала пистолет в кобуру. Согласно стандартной процедуре, патрон уже был в патроннике. Кори порадовалась, что не стала снимать бронежилет.

– В Академии вам должны были объяснить, что вызовы, связанные с домашним насилием, относятся к самым опасным, – сказал Морвуд, снова включая режим наставника. – Правонарушитель на нервах, он не в состоянии здраво соображать и нередко склонен к самоубийству.

– Ясно.

Стрелка спидометра подбиралась к семидесяти милям в час: вроде не так уж и быстро, но на горной дороге, когда с одной стороны крутой обрыв, а ограждений почти нет, такая скорость поневоле заставляет нервничать. На каждом повороте шины издавали протестующий визг.

– Каков план действий? – спросила Кори.

Это был не какой-то прыщавый подросток; это было серьезное дело. Кори впервые выезжала на стрельбу.

– Должен прибыть спецназ и переговорщик из группы по кризисным ситуациям, а ФБР подняло по тревоге группу быстрого реагирования. Поэтому от нас требуется следующее: занять оборонительную позицию, объявить о своем присутствии, оценить обстановку и попытаться деэскалировать ситуацию. Иными словами, заговаривать парню зубы, пока не приедут профессионалы.

– А если он взял заложников?

– В таком случае тем более нужно поддерживать с ним контакт, успокаивать его и убеждать, чтобы отпустил заложника. Когда ситуация не критическая, чем меньше вмешиваешься, тем лучше. Самый опасный момент наступит, когда мы подъедем и стрелок нас заметит. Поэтому свои позиции будем занимать потихоньку, никаких криков и провокаций. Дело проще пареной репы. Для вас это будет полезный опыт. – Морвуд помолчал. – Ну а если что-то пойдет не по сценарию, следуйте моим инструкциям.

– Так точно.

– Напомните, сколько у вас баллов по стрельбе?

– Э-э... Сорок девять.

Кори покраснела: она еле-еле уложилась в норматив и даже этого результата достигла лишь благодаря длительным и усердным тренировкам в тире, после которых предплечья еще долго болели. Увы, стрельба не была ее сильной стороной.

Вместо ответа Морвуд что-то буркнул и сильнее надавил на педаль газа. Машина летела по извилистой двухполосной дороге, взбиравшейся вверх, в поросшие кедрами и можжевельником предгорья. Пять минут спустя они добрались до поворота, ведущего к палаточному лагерю «Кедровый пик» в Национальном лесу Сибола, а еще через пять минут выехали на грунтовую дорогу. Морвуд сбавил скорость. До лагеря они доехали за несколько минут. Перед ними предстала тихая, поросшая травой низина со столами для пикника, общей палаткой для сборов, кострищами, расположенными среди кедров, за которыми возвышалась вершина Сандия-Крест.

В дальнем конце круговой дороги Кори заметила одинокий трейлер, прицепленный к белому пикапу «форд». Маленький лагерь, состоявший из нескольких палаток, полностью опустел.

Морвуд повернул на правую сторону дорожной петли и жестом велел Хури и Мартинесу подъехать с другой стороны, чтобы обе машины встретились в дальнем конце.

– Пригнитесь на случай, если он откроет стрельбу, – велел Морвуд. – Я постараюсь подблизиться к нему как можно ближе.

Он остановил «ниссан» в двадцати футах от трейлера. Выстрелов не последовало. Трейлер оказался раскладным, со спальными местами по обе стороны центральной жилой зоны, затянутой белым нейлоном и москитной сеткой. И то и другое было почти прозрачным, поэтому Кори смогла увидеть, что посреди трейлера стоит мужчина и держит маленькую девочку, заломив ей руку за спину. К голове рыдающего от страха ребенка был приставлен пистолет.

– Вот черт, – пробормотал Морвуд, пригибаясь на сиденье и доставая оружие.

Мужчина не произнес ни слова и не сдвинулся с места, но продолжал держать девочку под прицелом.

Кори тоже потянулась к пистолету.

– Вылезайте и спрячьтесь за блоком двигателя. Из-за машины не высовывайтесь.

– Есть.

Они оба высадились из автомобиля и укрылись за ним. Морвуд успел ухватить шнур микрофона и вытянул его за собой. Он заговорил в микрофон спокойным нейтральным голосом через громкоговоритель в машине:

– Мы агенты Хэл Морвуд и Коринна Свенсон, ФБР. Сэр, пожалуйста, отпустите девочку. Мы пришли просто поговорить. Никто не пострадает.

Повисла долгая пауза. Солнце светило мужчине в спину, и Кори не могла разглядеть выражение его лица. Однако его грудь быстро поднималась и опускалась, дыхание звучало хрипло. И тут Кори заметила, что из-под двери вытекает кровь, ручейками бежит по ступенькам и впитывается в землю.

– Видите кровь? – спросил Морвуд.

– Да.

У Кори замерло сердце. Этот тип уже застрелил кого-то в трейлере.

– Сэр, мы просим вас освободить заложницу. Отпустите девочку, и тогда мы с вами спокойно поговорим. Мы вас выслушаем и вместе во всем разберемся.

Мужчина убрал пистолет от виска девочки и два раза выстрелил в их сторону, но даже не попал в «ниссан».

«В меня и раньше стреляли, – напомнила себе Кори. – Ничего, справлюсь. Вдобавок этот парень мазила».

Морвуд повторил тем же ровным тоном:

– Пожалуйста, отпустите ребенка. Если у вас есть какие-то условия, назовите их.

– Хватит мне мозги парить! – внезапно взревел мужчина, захлебываясь от ярости и истерики, так что слов было почти не разобрать. – Я ее пристрелю! На месте уложу!

Девочка закричала.

– Заткни пасть!

Морвуд продолжал говорить спокойно, но твердо:

– Сэр, вы ведь не собираетесь убивать ребенка. Это ваша дочь?

– Она дочь этой стервы! Вот прямо сейчас ее и прикончу!

Мужчина вскинул пистолет и выпустил в их сторону еще две пули, одна из которых попала в заднюю часть машины. Потом он снова приставил пистолет к голове девочки:

– Все, ей конец! Стреляю на счет «три»!

Тонкий, испуганный крик девочки прозвучал пронзительно, будто металлическое лезвие, разрезающее жуть.

– Нет! – взмолилась девочка. – Дядя, не надо!

– Один!

Морвуд повернулся к Кори и тихой скороговоркой произнес:

– Разрешаю открывать огонь на поражение. Я зайду справа, чтобы оказаться сбоку от него. Прикройте меня. Если представится возможность произвести точный выстрел, стреляйте. Но только если будете на сто процентов уверены, что попадете.

– Да, сэр.

– Два!

В дрожащей руке Кори «глок» превратился в кусок тяжелого влажного пластика. «Да чтоб тебя! Хватит трястись, сосредоточься!» Она выглянула из-за капота, а потом приняла низкую стойку, держа пистолет обеими руками. Пришлось раскрыться, но этому парню нипочем не прицелиться. Кори повторила про себя: «Стрелок из него никакой».

Она тщательно навела прицел на его голову и легонько коснулась пальцем спускового крючка. Мужчина держал девочку перед собой, к тому же десять ярдов – слишком большое расстояние для точного выстрела.

Морвуд выскочил из-за машины, добежал до кедра в тридцати футах справа и распростерся на земле, собираясь стрелять из положения лежа.

Кори продолжала держать преступника на мушке. Выстрелить ему в голову из «глока» с такого расстояния означало подвергнуть ребенка опасности. Кори бросила взгляд влево: Хури и Мартинес укрылись за своим джипом, у обоих оружие наготове. Тут вдалеке послышался приближающийся вой сирен команды спецназа.

Слава богу, едут.

– Три!

Морвуд выстрелил, но Кори сразу поняла, что это лишь уловка, цель которой – отвлечь внимание мужчины от девочки. Прием сработал. Убрав оружие от виска ребенка, преступник дважды выстрелил наугад в сторону Морвуда. В этот момент девочка высвободилась из его хватки и кинулась к двери, но поскользнулась и упала.

На секунду преступник замер, его одинокий силуэт отчетливо виднелся сквозь сетку. Девочка лежала на полу. Кори твердо держала мужчину на прицеле.

Она нажала на спусковой крючок.

Но из-за отдачи ствол дернулся, и пуля попала не в голову, а в правое плечо. Преступника отбросило в сторону. Он резко развернулся, чтобы открыть ответный огонь, но потерял равновесие и не сразу смог прицелиться. Вспышка выстрела сверкнула в тот самый момент, когда девочка поднялась на ноги, хватаясь за хлипкую дверь трейлера. В следующий миг она скатилась по ступенькам на землю; косички, собранные в прическу принцессы Леи, раскрутились, и заколки полетели в разные стороны.

– Ах ты, гад!

Не успев осознать, что делает, Кори бросилась к трейлеру. В этот момент Морвуд и другие агенты открыли стрельбу на поражение. Пули врезались в тело мужчины, оно страшно дернулось, будто огромная тряпичная кукла, и его выбросило наружу через заднюю сетку.

В одну секунду Кори добралась до девочки и подхватила ее на руки, поворачиваясь к стрелку спиной. Ребенок лежал без движения, весь в крови. Неожиданно трейлер оказался со всех сторон окружен спецназовцами. Подняв голову, Кори заметила «скорую помощь», с визгом затормозившую среди клубов пыли. Из машины выскакивали парамедики. Кори побежала к ним. Те обступили ее, осторожно взяли у нее из рук девочку и уложили на носилки.

Кори покачнулась, и один из парамедиков схватил ее за локоть:

– Вы не пострадали, мэм?

Забрызганная кровью и оцепеневшая, Кори могла лишь молча смотреть на него.

– Вы ранены? – громко и отчетливо спросил парамедик. – Помощь нужна?

– Нет, это не моя кровь, – сердито отозвалась Кори, стряхивая его руку. – Спасите девочку.

Внезапно рядом с Кори очутился Морвуд и обнял ее за плечи, поддерживая.

– Я пригляжу за ней, – сказал он парамедику. Потом обратился к Кори: – Сейчас я отведу вас в машину.

Кори попыталась сдвинуться с места и тут же споткнулась, однако Морвуд не дал ей упасть.

– Просто переставляйте ноги, одну за другой.

Уголкем глаза Кори видела, как парамедики лихорадочно суетятся вокруг девочки.

Она постаралась следовать указаниям, которые вполголоса бормотал Морвуд, и наконец он усадил ее на переднее сиденье машины. Только тогда Кори поняла, что захлебывается от истерических рыданий.

– Спокойно, Кори, спокойно. Его больше нет. Вдохните поглубже. Да, вот так.

– Это я виновата, – заикаясь, выговорила Кори. – Я промазала. Он ее убил.

– Еще один глубокий вдох... Хорошо... То, что надо... Вы все сделали правильно: воспользовались моментом, выстрелили и попали в преступника. А что с девочкой, мы не знаем.

– Я метила ему в голову и промахнулась. Промахнулась!

– Кори, ни о чем не думайте, просто дышите. Дышите, и все.

– Он застрелил девочку. Она...

– Слушайте меня. Не надо разговаривать, не надо думать, просто дышите.

Кори пыталась делать то, что он велит, старалась дышать размеренно, старалась перестать думать, но перед ее глазами стояла одна картина: мужчина поворачивается, направляет дуло пистолета в сторону Кори, стреляет не целясь, и пуля попадает не в нее, а в девочку... и вот маленькое тельце лежит, распростертое на земле, а рядом в грязи валяются окровавленные заколки.

2

Через две недели

Добравшись до тропы, ведущей к пику Осо, шериф Гомер Уоттс остановился, снял с седельного рожка флягу и сделал глоток воды. Вид с тропы открывался такой, что дух захватывало: поросшие кедрами склоны спускались к раскинувшейся далеко внизу пустыне. Наступивший сентябрь добавил приятной свежести в горный воздух, благоухающий сосновой хвоей. Давненько Гомер Уоттс не брал выходных, а тут еще день, как по заказу, выдался погожий. Ну просто подарок свыше!

Уоттс ласково похлопал по шее своего коня Чако, повесил флягу обратно и легонько стукнул лошадь пятками по бокам. Чако не спеша двинулся вперед, поднимаясь по тропе к верховьям ручья Никс-Крик. Уоттс взял с собой все, что нужно для спокойного дня на рыбалке: бамбуковый спиннинг в алюминиевом тубусе, коробку для наживки с мухами и личинками, корзину для улова, нож, компас, обед, флягу с виски и старую пару дедовых кольтов «Миротворец» в таких же древних кобурах.

Он медленно ехал по тропе, сквозь тень и солнце, мимо зарослей желтой сосны² и цветочных полян, убаюкиваемый мягким покачиванием в седле. На горном уступе лесистая местность сменилась широким лугом, на дальней стороне которого паслись три чернохвостых оленя: самец и две самки. Внезапное появление Уоттса напугало животных, и они кинулись прочь. Он остановился и проводил их взглядом.

Пересекая луг, шериф заметил слева от себя облачко дыма в предгорьях, на плато, раскинувшемся у подножия гор. Он снова остановил коня, достал бинокль и навел его на подозрительное место. Время года сейчас засушливое, и пожар может стать катастрофическим. Но, поглядев в окуляры, Уоттс убедился, что это вовсе не дым, а беспорядочные облака песочной пыли, поднятые какой-то деятельностью на плато. Шериф хорошо знал это место, там располагался заброшенный шахтерский лагерь под названием Хай-Лонсам, один из самых изолированных и нетронутых городов-призраков на юго-западе.

Ну и как это понимать? Кто-то явно что-то затеял, и, судя по размеру облаков, что-то нехорошее.

Уоттс замер в нерешительности. Если повернуть направо, тропа приведет его к ручью Никс-Крик, где его ждет спокойный денек с удочкой на берегу журчащего ручья, в глубоких заводях и омутах которого мелькает радужная форель. А поехав налево, Уоттс спустится к Хай-Лонсаму и, как пить дать, нарвется на крупные неприятности.

«Вот черт!» – подумал Уоттс, медленно разворачивая лошадь влево.

Местность круто уходила вниз, тропа петляла вдоль хребта Голд-Ридж. Постепенно высокие сосны сменились можжевельником. Уоттс обогнул склон хребта, и перед ним раскинулся город-призрак, представлявший собой россыпь старых строений из кирпича-сырца и камня на краю плато. Уоттс остановил коня и снова достал бинокль. Его подозрения подтвердились: ну точно, черный копатель. Мужчина лопатой выгребал песок из подвала разрушенного дома, рядом был припаркован пикап.

У шерифа кровь застучала в ушах. Он знал Хай-Лонсам как свои пять пальцев: отец с детства брал его с собой в походы. Этот отдаленный город-призрак, о котором мало кто слышал, избежал разграбления и вандализма, затронувших большинство опустевших старательских городков штата. Конечно, время от времени здесь хулиганили пьяные подростки, на выходные приезжавшие из Сокорро побродить по горам, но серьезных инцидентов в Хай-

² *Сосна желтая* (или орегонская, или пондероза) – крупное дерево семейства сосновых, произрастает в западных районах Северной Америки.

Лонсеме не случалось. Это место даже не упоминалось ни в одном из путеводителей по городам-призракам Нью-Мексико. Еще бы, попробуй сюда доберись.

Но вот какой-то сукин сын задумал здесь пожить.

Уоттс съехал с тропы и двинулся дальше, укрываясь среди кедров. Он хотел схватить черного копателя и поэтому не мог допустить, чтобы тот заметил шерифа и сбежал. Вообще-то, вся эта территория была в ведении Бюро по управлению земельными ресурсами, а следовательно, не входила в юрисдикцию Уоттса, однако он, как избранный шериф округа Сокорро, имел полное право арестовать этого гаденыша и передать его полиции Бюро.

Через некоторое время склон выровнялся. Пустив лошадь легким шагом, Уоттс выехал на открытое место на окраине города. Черного копателя отсюда не было видно: дальнюю часть плато загораживали здания. Уоттс направил лошадь по улочкам города, стараясь не попадаться преступнику на глаза. В развалинах домов неустанно шумел ветер, мимо пронеслось перекасти-поле – ни дать ни взять сцена из вестерна.

Подъехав ближе, Уоттс хорошо разглядел пикап. Он узнал этот старый «форд»: машина принадлежала Пику Риверсу.

Значит, Пик Риверс. Вот уж кого Уоттс не ожидал здесь встретить. Когда-то Риверс был нахальным мелким дерьмом, употреблял метамфетамин и приторговывал антиквариатом, чтобы раздобыть денег на свое пристрастие. Но года два назад Риверс взялся за ум – короткая отсидка в тюрьме его здорово напугала – и с тех пор не был замечен ни в каких правонарушениях.

Добравшись до дальнего конца города, Уоттс остановил Чако за домом, спешился и привязал поводья к деревянному столбику ограды. Он снова похлопал коня по шее, бормоча ласковые слова. Чуть помедлив, снял с седельного рожка обе кобуры, достал оружие, убедился, что оба револьвера заряжены, убрал их обратно в кобуры и пристегнул к поясу. Береженого бог бережет. Риверс был из тех, кто любит держать оружие на виду, и свой «смит-вессон» с L-образной рамой носил исключительно на бедре.

Уоттс вышел из-за угла и окинул взглядом здание, в подвале которого копал Риверс. Двухэтажный дом из кирпича-сырца стоял на отшибе, верхний этаж почти полностью обвалился. Мужчина работал лопатой в подвале, выбрасывая песок в разбитое окно. Надо сказать, трудился он усердно. «Интересно, что он там нашел?» – подумал Уоттс.

Шериф медленно приблизился к дому, положив руку на рукоять револьвера на левом бедре. Риверс явно что-то обнаружил: он наклонился и стал копать осторожнее. Наконец он встал на колени и принялся разгребать землю и пыль руками. Он был целиком поглощен своим занятием, к тому же подвал был окутан пылью, и Риверс даже не заметил, что сзади к нему подбирается Уоттс.

Шериф остановился у входа в подвал, откуда ему был отлично виден трудолюбивый преступник, и окликнул его:

– Риверс!

Мужчина застыл, стоя на коленях спиной к Уоттсу.

– Это я, шериф Уоттс. Выходи с поднятыми руками. Ну же!

Тот не двинулся с места.

– Оглох ты, что ли? Подними руки.

Не оборачиваясь, Риверс подчинился.

– Я вас слышу, шериф, – произнес он.

– Ну, раз слышишь, вылезай оттуда.

– Иду.

Риверс начал вставать, но вдруг опустил руки и резко развернулся. Сжимая револьвер обеими руками, он целился прямо в Уоттса.

Шериф выхватил кольт, и в этот самый момент «смит-вессон» Риверса грохнул так, будто прогремел пушечный залп.

3

Когда специальный агент Свенсон вышла из туалета, два младших агента в коридоре подозрительно быстро оборвали разговор. Не глядя им в глаза, Кори прошла мимо и вернулась за свой стол в региональном офисе ФБР в Альбукерке, на Люкинг-Парк-авеню. Усевшись, она придвинула к себе папку, содержимое которой изучала. Ее закуток располагался в самой темной части помещения, куда не доходил свет из окон. Сюда обычно сажали новичков, а по мере того, как те поднимались вверх по карьерной лестнице, им отводили места все ближе и ближе к стеклянной стене, за которой открывался панорамный вид на горы. Но Кори была даже рада тому, что ей не придется смотреть на одиннадцать тысяч футов горы Сандия-Крест, припорошенной первым в нынешнем году снегом, ведь единственное, о чем ей напоминал этот пейзаж, так это о ее неудаче. Что за горькая ирония: всего две недели назад эти горы были связаны с самым успешным делом Кори за недолгий срок ее службы. А теперь она вообще не знала, сможет ли когда-нибудь смотреть на горы Сандия без стыда и угрызений совести.

После перестрелки было проведено стандартное и вполне ожидаемое в подобных случаях расследование. Но выговор Кори не объявили и дисциплинарных взысканий на нее не наложили. Более того, она получила устную похвалу за то, что спасала жизнь заложницы, рискуя своей собственной. И – о счастье! – пуля только задела девочку, пройдя по касательной. Ей наложили несколько швов и уже на следующее утро отправили к бабушке и дедушке, перед этим прикрепив к ней целую армаду психологов. Кровь, так напугавшая Кори, принадлежала матери бедного ребенка: та лежала мертвая на полу трейлера.

И все же Кори никак не могла себя простить. Даже с десяти ярдов она должна была попасть преступнику точно в голову. Она ведь прицелилась как следует, этот гад был у нее на мушке. И прицел у пистолета не был сбит, в этом Кори позже убедилась в тире. Просто она промахнулась, дала слабинку в решающий момент. Конечно, на своем курсе Кори была далеко не лучшим стрелком, но и в число худших не входила. Да, результаты она показала не блестящие: сорок девять из шестидесяти – всего на один балл больше необходимого минимума. Но четверть ее однокурсников вообще не сдали экзамен. Кори ничто не мешало уложить преступника метким выстрелом, и тогда она стала бы героиней дня, удостоилась бы объявления благодарности в приказе, еще больше упрочила свою репутацию и окончательно утвердилась в статусе агента, подающего большие надежды. Вместо этого ее ждали двусмысленные комментарии, косые взгляды и одинокий шепоток: «Отличный выстрел, ковбой!»

Кори села в лужу, и все это понимали. Одна опытная женщина-агент отвела ее в сторону и сказала, что Кори, как новичок, вообще не должна была оказаться в том месте и в той ситуации. Однако это не мешало другим новичкам выглядеть самодовольными, и Кори вспомнила жестокую поговорку: «Мало выиграть. Надо, чтобы другие проиграли». Но что еще хуже, Морвуд почему-то никак не прокомментировал случившееся, лишь мимоходом заметил, что Кори стоило бы проводить больше времени в тире. Он не наорал на нее, но и хвалить не стал. Возможно, у нее просто разыгралось воображение, но Морвуд стал каким-то отстраненным. Ну а стопку папок с материалами очередного глухого дела, которую он оставил на ее столе, Кори определенно восприняла как наказание.

Прошло две недели, и каждый день после работы Кори шла в тир и в течение часа упражнялась в стрельбе. В последний раз она выбила пятьдесят один из шестидесяти. Это был средний результат, и Кори надеялась, что если будет стараться как следует, то повысит его до пятидесяти двух или даже пятидесяти трех баллов. Но когда она доложила о своих успехах Морвуду, на него они не произвели особого впечатления.

«По мишени в тире попадет кто угодно, – сказал он. – А вот как агент покажет себя в настоящей перестрелке – это вопрос».

Его слова стали для Кори очередной пощечиной. Она едва не спросила напрямик, уж не на ее ли чудеса меткости в лагере «Кедровый пик» он намекает, однако вовремя прикусила язык и ответила только: «Да, сэр».

– Кори?

В ее закуток заглянул Морвуд с болтающимся на шее удостоверением. Кори обратила внимание, что волосы на его лысеющей голове сильно отросли. Улыбка Морвуда казалась немного натянутой. Кори была уверена, что наставник по-прежнему в ней разочарован.

– Можно вас на минутку?

– Конечно, сэр.

Кори встала и проследовала за ним в его маленький кабинет, окно которого, кстати, тоже выходило на горы Сандия.

– Присаживайтесь.

Кори опустилась на стул, стараясь не смотреть в окно.

– Итак, – произнес Морвуд, сцепив руки на столе, – у меня для вас есть дело. Как раз по вашей части.

– Да, сэр, – ответила Кори.

Чересчур бодрый тон Морвуда заставил ее насторожиться. Будь дело и впрямь хорошим, наставник поручил бы его кому-нибудь другому. Скорее всего, Морвуд решил, выражаясь на жаргоне ФБР, отправить Кори на «пляж», то есть дать ей пустяковое дело, которое просто невозможно завалить, но даже если агенту Свенсон каким-то чудом удастся все испортить, никто этого не заметит.

– Шериф Сокорро вчера застукал на месте преступления черного копателя. Тот раскапывал кости в каком-то богом забытом городе-призраке. Речь идет о человеческих останках. Эта территория в юрисдикции Бюро по управлению земельными ресурсами. Произошла перестрелка, однако охотник за старинными редкостями, парень по фамилии Риверс, проиграл: слегка задел шерифа, а тот за это прострелил ему коленную чашечку. Сейчас преступник в больнице, под круглосуточной охраной, и ему предъявлено обвинение в покушении на убийство сотрудника правоохранительных органов. Местным это сильно не нравится, так что парня стерегут не столько для того, чтобы не сбежал, сколько в интересах его же безопасности.

Кори молча кивнула.

– Обнаруженные Риверсом останки, судя по видимым частям одежды, скорее всего, относятся к двадцатому веку. Но само тело не выглядит недавним, ему лет сорок или даже пятьдесят – по крайней мере, так мне сказали. Причина смерти не установлена: это может быть и убийство, и самоубийство, и несчастный случай. И здесь ваш диплом в сфере судебной антропологии окажется как нельзя кстати, особенно потому, что тело найдено на федеральной земле. Шериф, похоже, парень хороший, хоть и со своими тараканами... – Морвуд помолчал. – Сокорро – округ большой, а он там единственный шериф, так что парень будет рад любой помощи.

Вопреки опасениям Кори, дело оказалось не таким уж и дерьмовым: шериф, пострадавший в перестрелке, – это серьезно. Впрочем, вполне возможно, что никакого дела тут вообще нет, просто найдены кости какого-то старого ковбоя, которого лягнул мул еще при Джоне Эдгаре Гувере. Но Кори не в том положении, чтобы жаловаться. Одно она знала наверняка: нужно скрыть свои сомнения, усердно работать и всячески демонстрировать, какой она покладистый, трудолюбивый, а главное, многообещающий новичок.

– Отлично. Спасибо, сэр. С удовольствием разберусь в этом деле. Работа как раз по мне.

Кори растянула губы в улыбке. До Сокорро час езды. Кори ни разу там не бывала, но предвидела, что ей предстоит визит в один из нестерпимо жарких, унылых, пустынных городков, разбросанных по всему штату.

– Я поеду одна?

– Да, ведь пока этот случай не перерос в настоящее дело. Для начала наведайтесь сегодня днем в Пресвитерианскую больницу и допросите стрелка. А на завтра у вас назначена встреча с шерифом... – Морвуд пошуршал бумагами. – Да, точно, Гомером Уоттсом. Он отвезет вас к месту обнаружения костей. Похоже, местечко глухое: если не знать дороги, не найдешь.

Гомер Уоттс. Ну и имечко! Может, Морвуд ее разыгрывает?

– Во сколько я должна встретиться с шерифом Уоттсом?

– В восемь утра, в офисе шерифа в Сокорро.

Значит, встать придется в шесть. А лучше в пять тридцать.

– Буду минута в минуту. Спасибо, сэр. Я вам очень благодарна за то, что дали мне шанс!

Морвуд внимательно посмотрел на нее:

– Кори, я знаю, о чем вы думаете. И вот что я вам скажу: никогда заранее не угадаешь, куда заведет дело. – Он откинулся на спинку кресла. – Помните Фрэнка Уиллса?

– Это кто? Агент ФБР?

– Нет, охранник в отеле. Однажды ночью он заметил, что язычки дверных защелок в двух номерах заклеены скотчем.

Кори молча ждала, гадая, к чему клонит Морвуд.

– На первый взгляд пустяк, – продолжил наставник. – В отелях постоянно заклеивают дверные замки скотчем для удобства. Но Фрэнк подумал-подумал и решил сообщить об этом в полицию, пусть даже там его поднимут на смех из-за каких-то заклеенных замков.

Он с легкой улыбкой наблюдал за реакцией Кори.

– И чем же обернулось дело?

– Уотергейтским скандалом³, – ответил Морвуд.

³ *Уотергейтский скандал* – политический скандал в США в 1972–1974 годах, закончившийся отставкой президента Ричарда Никсона в связи с попыткой установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии в ходе президентской избирательной кампании 1972 года.

4

Кори шагала по обшарпанному коридору третьего этажа Пресвитерианской больницы Альбукерке. По ее опыту больницы вообще были достаточно неприятным местом, а коридор, в котором она сейчас оказалась, отнюдь не радовал глаз ни в смысле интерьера, ни в смысле эффективности сотрудников. Вдоль стен, будто припаркованные в два ряда машины, стояли каталки, и почти на всех лежали пациенты: кто в бессознательном, кто в полубессознательном состоянии. Стойки для капельницы и тележки с бельем, брошенные где попало, еще больше затрудняли продвижение. У дежурных медсестер, похоже, был аврал: все они или звонили по телефону, или оживленно переговаривались. Кори уже собиралась спросить у них дорогу, но тут заметила именно то, что искала: запертую дверь в дальнем конце коридора, по обе стороны от которой стояли стулья. На одном из них сидел мужчина в форме, а на полу рядом со стулом Кори заметила сложенную газету и чашку с кофе.

Разглаживая ладонью блейзер, она поспешила туда сквозь царивший в коридоре хаос, который заметно уменьшился, когда она приблизилась к запертой двери. Мужчина, сидевший на стуле, взглянул на Кори, и она по форме определила, что перед ней рейнджер из Бюро по управлению земельными ресурсами. Впрочем, ничего удивительного, что охранять арестованного прислали именно сотрудника Бюро, ведь перестрелка произошла на федеральной земле. У них тоже есть специальные агенты, но их мало, и они раскиданы по разным регионам, поэтому работу поручили кому-то рангом ниже.

– Специальный агент Свенсон, ФБР, – представилась Кори, шагнув к рейнджеру и указывая на жетон, свисающий со шнурка у нее на шее. – Я пришла допросить подозреваемого.

Рейнджер встал и принялся оскорбительно долго изучать жетон Кори и ее удостоверение личности. Наконец, убедившись, что и с тем и с другим все в порядке, кивнул.

– Ну, удачи, – сказал он, протягивая Кори клипборд с листом учета посещений.

– В каком смысле? – спросила Кори, записывая данные о себе.

– С тех пор как этого парня сюда привезли, он молчит, как воды в рот набрал. Правда, для медсестер, которые ему меняют повязки, пару отборных словечек нашел.

Забрав у Кори клипборд, он открыл дверь, пропустил Кори внутрь и опять запер палату на замок. Остановившись у порога, Кори огляделась по сторонам. Больничные палаты вообще места невзрачные, а эта оказалась совсем пустой. Ни репродукций на стенах, ни телевизора, ни даже шкафчика. Только медицинская кровать с электроприводом, а на ней – незадачливый стрелок, пристегнутый за руку к высокому поручню.

Кори шагнула вперед. Она уже проводила допросы подобного рода и наблюдала, как работают другие агенты, но в одиночку действовала впервые.

– Мистер Риверс? – произнесла она. – Пик Риверс?

Мужчина устремил на нее ничего не выражающий взгляд. На вид хорошо за пятьдесят, среднего роста, худощавый. На щеках многодневная щетина, хотя волосы подстрижены коротко и аккуратно.

Кори опять достала жетон:

– Я из ФБР. Специальный агент Свенсон. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Никакой реакции. Мужчина продолжал смотреть на нее без малейших проблесков эмоций или интереса на лице. Кори выждала некоторое время, мысленно повторяя в уме заранее составленный план допроса.

– Вам предъявлено обвинение в преднамеренном покушении на жизнь полицейского, а поскольку вы совершили это преступление на нашей территории, ваше деяние относится к категории Б, то есть является федеральным преступлением. Вы использовали смертельное оружие, а именно «смит-вессон» калибра триста пятьдесят семь. Этоотягчающее обстоятель-

ство, которое будет принято во внимание при вынесении приговора. Проще говоря, вам светит приличный срок. Как вы наверняка знаете сами, условно-досрочное освобождение в нашей юрисдикции не предусмотрено, а значит, будете сидеть по полной программе. Я изучила ваше личное дело, мистер Риверс, и мне известно, что вы провели пару месяцев в окружной тюрьме. Но по сравнению с тем учреждением, куда вас отправят на этот раз, она вам покажется детским садиком.

Кори замолчала, проверяя, какой эффект оказала ее речь на арестанта, прикованного к кровати. Судя по всему, она зря сотрясала воздух. Мужчина окинул ее взглядом с головы до ног, но и только.

Она приблизилась к нему на несколько шагов, давая понять, что его молчание несколько ее не обескуражило.

– Но вы еще можете кое-что сделать, чтобы помочь себе. Например, ответить на мои вопросы. С какой целью вы производили нелегальные раскопки в Хай-Лонсеме?

Нет ответа.

– Вы работали один или у вас есть сообщники?

Тишина.

– У вас были какие-то основания полагать, что вы найдете там тело? Или вы наткнулись на него случайно?

И снова молчание.

– Вы уже несколько лет были чисты перед законом. Что такого важного вы рассчитывали обнаружить, ради чего стоило пойти на убийство шерифа?

Риверс зажал пальцем свободной руки одну ноздрю и высморкался в стакан у кровати, а в остальном никак не отреагировал.

Его наглое молчание начало раздражать Кори. Она сделала глубокий вдох. Главное – говорить спокойным, ровным тоном и сохранять невозмутимое выражение лица.

– Сейчас вам представился первый и последний шанс облегчить свое положение. В противном случае вас ждут трудные времена.

Наконец в глазах мужчины мелькнула искорка интереса. Он в первый раз нарушил молчание:

– Трудные времена, говоришь?

Кори постаралась скрыть свое волнение: наконец-то она вытянула из подозреваемого хоть несколько слов! До нее это никому не удавалось.

– Совершенно верно.

– Тогда вот что я тебе скажу, – хрипло продолжил Риверс. – Возможно, мы сумеем прийти к какому-нибудь... соглашению.

– Правильно рассуждаете. – Кори достала из сумки цифровой диктофон и на глазах у Риверса включила его. – Права вам уже зачитывали, но на всякий случай напоминаю: все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Риверс отмахнулся от ее слов, будто от назойливой мухи.

– Ты говорила про трудные времена, – повторил он невозмутимым, самоуверенным тоном.

Кори кивнула и взглянула на диктофон, проверяя, идет ли запись.

– Что ж, тут мы совпадаем, потому что мне сейчас немного трудно: такая симпатичная стервочка пожаловала, а я как раз в постели, и все такое. Так что я отвечу на твои вопросы... после того как ты отсосешь у меня.

Кори уставилась на него, потеряв дар речи. От стыда у нее кровь прилила к щекам. Ей стоило огромных усилий сдержать гнев и сохранить спокойствие.

– И вот еще что: отстегни меня, чтобы я тебя за голову мог держать.

И теперь он наконец рассмеялся, тихо, издевательски.

Он все еще продолжал смеяться, когда через несколько секунд Кори выскочила из палаты, жестом велела рейнджеру запереть дверь и быстро зашагала прочь по больничному коридору.

5

Вопреки опасениям Кори, Сокорро оказался не таким уж унылым, благодаря окаймляющей город с востока реке Рио-Гранде, орошаемым полям и нескольким горам, возвышающимся на другом конце города. И все-таки здесь были такие же, как и везде, жаркие улочки – очень жаркие! – а когда Кори ехала к офису шерифа, пустынный ветер прогнал прямо перед машиной два перекасти-поля, будто хотел напомнить, где она находится. Взяв сумку со снаряжением, Кори высадилась из машины на парковке перед офисом. Заунывный свисток поезда только дополнил общее впечатление заброшенности этого места. Вот в такую глухомань и отправляют проштрафившихся агентов, подумала Кори. А потом в сотый раз напомнила себе, что порученное ей дело может стать многообещающим.

Впрочем, офис шерифа располагался в достаточно презентабельном на вид здании из кирпича-сырца, окруженном потрескавшимся асфальтом парковки. Трещины со временем заливали новым асфальтом, и в результате получился узор наподобие паутины. Хотя был конец сентября, на пути к двери ботинки Кори прилипали к поверхности.

Шериф Уоттс сразу вышел ей навстречу, и тут Кори ждал первый за утро сюрприз. Вместо толстомордого усатого старого служаки, каким она представляла себе Уоттса, перед ней предстал молодой человек примерно ее возраста – лет двадцати трех, высокий, стройный и вдобавок красавчик, с черными кудрями, выющимися над высоким лбом, карими глазами и улыбкой кинозвезды. Два старинных револьвера на бедрах выгодно дополняли общее впечатление. Мочка одного уха была заклеена пластырем. На голове у шерифа красовалась щегольская ковбойская шляпа с плетеной лентой из конского волоса. Судя по выражению лица, он тоже ожидал встретить кого-то другого.

Когда они выходили из офиса, Уоттс предложил поехать на его машине. Он потянулся было к дверце автомобиля, собираясь открыть ее перед Кори, но, видимо, решил, что это неуместно, и отступил в сторону. Кори открыла дверцу сама. Похоже, она перевернула с ног на голову все его представления об агентах ФБР.

– Агент Свенсон, – сказал Уоттс, сядя за руль, – по пути в Хай-Лонсам я заеду за одним человеком, Чарльзом Фонтейном. Он адвокат и при этом отлично разбирается в истории этих мест – прямо ходячая энциклопедия! Надеюсь, он сумеет пролить свет на это дело и ответить на несколько вопросов.

Кори не рассчитывала, что с ними поедет гражданский, однако она была не в том положении, чтобы возражать.

– Спасибо, шериф.

Он кивнул и завел джип «чероки», выкрашенный и оформленный в виде патрульной машины, с большой звездой шерифа, наклеенной на дверь. Кори хотела предложить Уоттсу обращаться друг к другу по имени, но потом передумала. Ни к чему выходить за рамки формального.

– Слышал, вы говорили с Пиком, – сказал шериф, когда они медленно ехали по городу.

– Странно, что вы называете его по имени. Он ведь пытался вас убить.

– Но не убил же! И вообще, я не злопамятный, – рассмеялся Уоттс. – Стрелок из Пика так себе. Ему просто повезло, что он в меня попал.

– Я бы сказала, ему повезло, что вы его не пристрелили.

– Ну, тут удача ни при чем. Я бы уложил его на месте, если б захотел.

Это было сказано небрежно, без малейшего хвастовства. Кори обдумала его слова. Значит ли это, что Уоттс специально позволил Риверсу выстрелить первым? Но задавать такие вопросы напрямую было бы неразумно. Вместо этого она сказала:

– Кстати, о перестрелках. У вас очень эффектные револьверы: одни ручки из слоновой кости чего стоят!

Уоттс снова кивнул, на этот раз с гордостью:

– Кольт «Миротворец» сорок пятого калибра. Одинарного действия, кольцевого воспламенения на черном порохе. Выпущены в девяностых годах девятнадцатого века. Принадлежали моему деду. Откуда они у него, рассказывать не хочет.

– Зачем вы носите сразу оба?

Уоттс пожал плечами:

– Это комплект.

– А кобуры почему перевернутые? Ручки повернуты вперед.

– Неужто не слышали про перекрестное выхватывание? Да, видно, в школе ФБР не всем премудростям учат.

Кори не ответила. Она ни за что не променяла бы свой полуавтоматический «глок» на этот антиквариат, однако предпочла оставить свое мнение при себе.

– До сих пор ломаю голову, с чего вдруг Риверс наставил на меня пушку, – сменил тему Уоттс. – Он уже несколько лет как стал добропорядочным гражданином. Не представляю, что в этом трупе такого особенного, ради чего он решился поставить все на карту.

Они затормозили перед скромным, но ухоженным домиком, и не успел Уоттс вылезти из машины, как дверь распахнулась и на крыльцо вылетел мужчина. Он-то и стал вторым сюрпризом для Кори. Вместо ожидаемого ею провинциального адвоката с курительной трубкой и в красных подтяжках на объемистом животе, будто сошедшего со страниц рассказа Стивена Уинсента Бене «Дьявол и Дэниел Уэбстер», она увидела высокого, лишь слегка полноватого мужчину лет шестидесяти. На нем был темно-зеленый пиджак «Барбур» (должно быть, единственный экземпляр в радиусе сотни миль), настолько измятый, будто хозяин в нем спал. Лицо у Фонтейна было чисто выбрито, роскошные, густые темные волосы с проседью, разделенные на прямой пробор, свисали почти до плеч. Фонтейн переводил взгляд с Кори на Уоттса, его бледно-голубые глаза за стеклами круглых очков в позолоченной оправе светились живым умом.

Уоттс вышел из машины и пожал своему знакомому руку. Кори сделала то же самое, и шериф представил их с Фонтейном друг другу.

– Вы ведь адвокат? – уточнила Кори.

– Сейчас я практически ушел на покой, – ответил Фонтейн негромким, мелодичным голосом. – Впрочем, оно и к лучшему.

– Не слушайте его, – возразил Уоттс. – Слава о Фонтейне гремит по всему штату и даже за его пределами. Другого такого острого юридического ума вы нигде не найдете. Он не проиграл ни одного дела.

– Это правда? – невольно заинтересовалась Кори.

– Всего лишь отчасти, – ответил Фонтейн. – Когда я работал в прокуратуре федерального округа, пару раз потерпел поражение.

– Но с тех пор как стал адвокатом защиты – ни одного проигрыша, – стоял на своем Уоттс. – Все дело в голосе. Никто ничего не замечает, пока не становится поздно.

– С таким же успехом ты мог бы сказать: в голосе и во внешности, – рассмеялся Фонтейн. – Я называю этот прием «обезоруживающая простота».

– Неряшливый вид для него – что-то вроде рабочей униформы, – пояснил Уоттс.

В компании знакомого шериф явно расслабился: на этот раз он без малейших колебаний открыл перед Кори дверцу машины.

– Я еду с вами только для того, чтобы расширить свой кругозор историка-любителя, – сказал Фонтейн, расположившись на заднем сиденье джипа. – Постараюсь вам не мешать.

Уоттс включил кондиционер на полную мощность, и они выехали за пределы Сокорро.

– Мы направляемся в город-призрак Хай-Лонсам в горах Азул, – заговорил шериф. – Это старый, заброшенный городишко золотоискателей. Опустел в начале двадцатого века, когда запасы иссякли. Один из самых живописных городов-призраков штата, но добираться туда трудновато. Придется ехать два часа. Напрямик было бы быстрее, но дороги в здешних местах жуткие.

«Целых два часа?» – подумала Кори. Ей повезет, если она вернется в Альбукерке до полуночи.

– Как насчет музыки? – предложил Уоттс, доставая телефон и подключая его к стереосистеме.

– Давайте, – ответила Кори.

– Что вы предпочитаете?

– Согласен на все, кроме григорианского пения и рэпа, – ответил с заднего сиденья Фонтейн.

Кори не думала, что у шерифа Уоттса будет такая музыка, какая ей нравится.

– Выбирайте на свой вкус.

– Если что, у вас обоих есть право вето.

Уоттс покопался в телефоне, и из динамиков полилась песня «Gypsy Kings». Сама Кори ее бы не выбрала, но мелодия оказалась довольно приятной, к тому же она неплохо сочеталась с пейзажем.

Джип поехал на юг, к зубчатой линии гор, поднимающихся из коричневой пустыни. Затем свернул на дорогу Лесной службы США. Кори быстро запуталась в извилистом лабиринте проселочных дорог: одна дорога сменяла другую, и каждая следующая оказывалась более ухабистой и размытой, чем предыдущая. Они продвигались вперед со скоростью не больше пяти миль в час, то подскакивая вверх, то ухая вниз. Кори вцепилась в потолочную ручку, чтобы не слететь с сиденья. По мере того как они взбирались все выше в горы, кедры сменились желтыми соснами, а те – псевдотсугами Мензиса⁴ и елями. На вершине перевала открывался потрясающий вид.

Уоттс ненадолго остановил машину и махнул рукой:

– К югу от нас пустыня Хорнада-дель-Муэрто и горы Сан-Андрес. Все это – часть ракетного полигона Уайт-Сэндс, где военные развлекаются со своими ракетами.

Фонтейн прибавил:

– В переводе с испанского Хорнада-дель-Муэрто означает «путь мертвеца»⁵. Старая испанская дорога от Мехико-Сити до Санта-Фе пересекала эту пустыню на протяжении сотни миль. Весь этот путь был усеян костями и крестами.

Кори обвела взглядом коричневую пустыню, раскинувшуюся в южном направлении.

– Еще дальше к югу, за горами, находится национальный парк Уайт-Сэндс, – продолжил Уоттс. – Были там когда-нибудь?

– Нет, я служу в Альбукерке всего восемь месяцев. А вы там бывали?

– Много раз. Мое детство прошло в Сокорро, на папином ранчо. Мальчишкой я изъездил верхом всю округу. Национальный парк Уайт-Сэндс – одно из самых удивительных мест на земле: дюны белые, как снег, и тянутся на сотни тысяч акров.

– Вы здесь выросли?

Уловив в тоне Кори недоверие, Уоттс рассмеялся.

Фонтейн добродушно произнес:

– Да, некоторым это удается.

Кори почувствовала, что краснеет:

⁴ Псевдотсуга Мензиса (также дугласова пихта) – вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых.

⁵ Это традиционный перевод. Современный дословный перевод – «День мертвых».

– Вы тоже родом из этих мест?

– Я из городка к северу от Сокорро, – ответил Фонтейн. – Городка под названием Леми-тар.

Кори, понятия не имевшая, где это, просто кивнула.

– Все не так плохо, как может показаться со стороны, – продолжил адвокат. – Здесь очень много интересных мест. Смотрите, справа гора Чимни, а вон там пик Осо, где Черный Джек Кетчум прятался со своей бандой. В былые времена этот грабитель наводил ужас на Сокорро, он много раз нападал на поезда. Ребята, которые его вешали, понятия не имели, как это делается, и в результате он оказался обезглавлен. Говорят, Кетчум приземлился на ноги и некоторое время стоял, прежде чем упасть.

– Отличное чувство баланса, – заметила Кори.

Фонтейн рассмеялся:

– А к юго-востоку отсюда находится резервация индейцев-мескалеро. Очень красивые места. Здесь осели последние чирикауа-апахи под предводительством Джеронимо. Джеронимо, Кочис, Викторио – все эти великие вожди бродили по нашим горам.

Фонтейн говорил о своей земле с большой любовью, и Кори невольно ему позавидовала. Сама она не испытывала ни малейшей нежности к своему родному городку, Медсин-Крик в штате Канзас, и скорее отправилась бы в преисподнюю, чем вернулась туда.

Уоттс направил джип вперед и преодолел перевал, а затем двинулся по горной дороге, спускающейся крутыми поворотами к ряду пустынных плато, выступающих на южной стороне гор. Они потеряли большую часть набранной высоты, петляя по плохим дорогам, пока снова не очутились в засушливой местности, где на плато и между засохшими руслами ручьев кое-где росли кедры и можжевельники. А потом перед ними внезапно вырос тот самый город-призрак, расположенный на низком плато над широкой равниной. Трудно было представить себе более уединенное место. Уоттс съехал вниз по изъеденному эрозией серпантину, и уже через пять минут они оказались в городе.

– Добро пожаловать в Хай-Лонсам, – произнес шериф.

6

Это объявление было встречено короткой паузой.

– Название весьма подходящее⁶, – вполголоса заметила Кори. – Вот это вид!

Через весь город тянулась единственная немощенная улица, вдоль которой по обе стороны выстроились здания из камня и кирпича-сырца. У некоторых домов сохранились крыши, другие были беззащитны перед стихиями.

– Это бывшая гостиница, – сообщил Фонтейн, указывая на двухэтажное строение из грубого камня с тянущейся вдоль фасада покосившейся деревянной террасой. – Салун, магазины, дома старателей, церковь – жизнь в городе была ключом, после того как в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века в горной котловине обнаружили золото. Поначалу эти места считались опасными: вокруг бродили апачи Джеронимо. Когда они наконец сдались, прибыли старатели и занялись разведкой эпитермального месторождения⁷. Рудник расположен среди скал внизу. Он представляет собой одну-единственную горизонтальную шахту, вырубленную в твердой породе. Мельница, при помощи которой измельчали руду, была установлена возле горного потока.

– Но как целый город смог уцелеть практически в нетронутom состоянии? – спросила Кори. – Мы будто на съемочную площадку вестерна попали.

– Вы сами видели, по какой дороге мы приехали, – ответил адвокат. – К тому же почти все здания в городе построены не из дерева, а из камня или из кирпича-сырца, поэтому пожары им не страшны. Как ни парадоксально, тот факт, что жители покинули город довольно внезапно, помог его сохранить.

Кори заметила, как двое мужчин переглянулись.

– В чем дело? – спросила она.

Фонтейн прокашлялся:

– Места здесь живописные, а вот история этого городка закончилась совсем не красиво. Когда золотonosная руда стала иссякать, владельцы захотели выжать из истощенного месторождения все, что только можно, и зашли слишком далеко. Шахту не укрепили как следует. Легко догадаться, к чему это привело: она обрушилась, похоронив под завалами дюжину шахтеров.

– Похоронив заживо, судя по всему, – добавил Уоттс. – Обрекая их на медленную, мучительную смерть.

Фонтейн кивнул:

– Если отойти на некоторое расстояние от города, можно заметить остатки кладбища. Двенадцать надгробных памятников с одинаковой датой смерти расположены все вместе, в одном углу. Но конечно, тел в могилах нет.

Проехав через город, они приблизились к кучке зданий на краю плато. Стены из кирпича-сырца искрошились, на земле валялись расколотые балки. Уоттс остановил машину возле одного из домов, и все трое вышли из машины.

– Мое внимание привлек столб пыли, поднимавшийся над подвалом, – сказал Уоттс. – Вон за теми домами. Видите?

Шериф зашагал в ту сторону, Фонтейн и Кори последовали за ним.

– Когда я заковал Риверса в наручники и убедился, что он не сбежит, то сразу заполз внутрь, чтобы посмотреть, ради чего такого важного меня чуть не пристрелили, – продолжил

⁶ В переводе с английского название города означает «высокий и одинокий».

⁷ Эпитермальные месторождения – залежи полезных ископаемых, отложенные из горячих минеральных растворов на небольшой глубине (до 1–2 км) при умеренном давлении и сравнительно низкой температуре (менее 200 °C).

Уоттс. – Риверс успел раскопать верхушку черепа и кисть одной руки. Еще пятнадцать минут, и он бы вытащил из земли все останки и был таков.

Кори достала из сумки со снаряжением налобный фонарь и надела его на голову. Потом вытащила нитриловые перчатки и маску:

– Пойду взгляну, что там такое, если вы не возражаете – одна.

– Пожалуйста, – кивнул шериф.

Кори встала на четвереньки и заглянула в подвал. Темное помещение пересекали узкие полосы света. Потолок до сих пор сохранился, хоть и осел с левой стороны. Подвал был наполовину заполнен песком, занесенным ветром. Охотник за реликвиями Риверс повсюду оставил следы. Было совершенно очевидно, что он вырыл несколько ям. У стены справа, где проводились самые серьезные раскопки, Кори заметила череп, о котором упоминал шериф, а рядом с ним – кости руки и иссохший рукав рубашки, выглядывавший из-под куртки или клеенчатого плаща.

Кори заползла внутрь, достала камеру и сфотографировала подвал с разных ракурсов. Передвигаться здесь можно было, только согнувшись в три погибели. Кори приблизилась к костям, снова опустилась на колени и сделала несколько снимков.

При ближайшем рассмотрении она заметила, что останки состоят не из одних костей: на них сохранилась довольно значительная часть мумифицированной плоти. Кори достала кисточку и принялась смахивать песок с черепа и руки. От движений кисточки волокнистые мышцы, напоминавшие вяленую говядину, потрескивали, будто сухие кукурузные стебли. Кори даже разглядела на предплечье пух волос и, несмотря на свою профессиональную подготовку, почувствовала легкое отвращение. Работая кисточкой, она принялась расчищать одежду, в том числе клетчатую рубашку, распадавшуюся на нити. На мизинце красовалось золотое кольцо. Присмотревшись, Кори разглядела на нем выгравированные буквы «Дж. Г.». Риверс наверняка бы его присвоил, но шериф поймал черного копателя раньше.

Расчистив песок вокруг черепа, Кори обнаружила еще больше остатков гниющей одежды, обернутой вокруг шеи мужчины, – а судя по одежде и кайме волос на лысом черепе, это определенно был мужчина.

Кори прекратила работу. Извлекать останки из песчаных заносов – непростая работа. Если этот человек – жертва убийства и Кори решится выкопать кости самостоятельно, она рискует уничтожить улики. Кроме того, ее специализацией была судебная антропология, а для этого дела нужен археолог. Профессиональная подготовка позволяла Кори исследовать останки в лаборатории, но ее не учили, как нужно извлекать их из земли. С другой стороны, если она вызовет оперативную группу ФБР по сбору улик, им придется три часа тащиться в своем фургоне по ухабистым дорогам из Альбукерке, а потом обратно. И если после всего этого окажется, что мужчина погиб в результате несчастного случая, Кори будет выглядеть идиоткой. Решение проблемы казалось очевидным: ей нужен археолог, способный грамотно извлечь останки.

Она сразу подумала о Норе Келли.

Келли работала старшим куратором в Институте археологии Санта-Фе. Кори приходилось встречаться с ней по долгу службы. Их неожиданное сотрудничество послужило началом первого и пока что единственного важного дела в карьере Кори.

И оно завершилось успешно. Это был ее первый, и единственный триумф.

Сидя на корточках возле скелета, Кори обдумала свою идею. Несколько месяцев назад Келли руководила раскопками в горах Сьерра-Невада, но потом в процесс вмешалась Кори, расследовавшая дело, связанное с убийством и осквернением могил. Поначалу они с Келли конфликтовали, ведь характер у этой женщины не сахар – уж очень она упрямая и самоуверенная, – однако в ее компетентности сомневаться не приходится. Если речь все-таки идет об убийстве, из Келли получится идеальный свидетель-эксперт. Кори была уверена, что Морвуд,

познакомившийся с Келли во время расследования того самого дела, одобрит ее кандидатуру. Он считал Келли женщиной с характером.

К тому же она у Кори в долгу.

Сделав напоследок несколько снимков, Кори убрала кольцо в пакетик для улики и выбралась из подвала, моргая на ярком сентябрьском солнце. Уоттс и Фонтейн стояли возле дома и разговаривали. При появлении Кори оба повернулись к ней.

– Ну, что там? – спросил Уоттс, снимая шляпу и вытирая пот со лба.

– Без помощи в этом деле не обойтись, – ответила Кори. – Я приглашу специалиста, чтобы останки были извлечены из песка со всей осторожностью, на случай если это убийство.

– Зачем вам специалист? – спросил Фонтейн. – Если этого человека действительно убили, преступника давно нет в живых.

– Может быть, однако мы должны сохранить следы преступления в полной неприкосновенности, а эта задача по силам лишь профессиональному археологу. И лучше поторопиться. – Кори указала на кольцо. – Возможно, это не единственный ценный предмет.

– Отличный план, – широко улыбнулся шериф Уоттс. Он взглянул на часы. – Вообще-то, я проголодался, а мы не захватили с собой ничего съестного. В Сокорро есть одно приятное кафе, оно закрывается в три. Если поторопимся, успеем.

Кори сомневалась, что в Сокорро есть «приятные» кафе, но она тоже была не прочь перекусить. К тому же ей не хотелось ехать в Альбукерке сразу после долгого возвращения из Хай-Лонсама в Сокорро.

Фонтейн перевел взгляд с Уоттса на Кори, сообразив, что на него приглашение шерифа не распространяется.

– За меня не беспокойтесь, – коротко произнес он. – Я на диете.

– Завезу вас в офис, – предложил Уоттс.

Он вытянул руку, и Кори передала ему пакетик с кольцом.

– Жаль, что инициалы не «Г. У.», – пошутил он, изучив украшение и вернув его Кори. – Колечко, похоже, как раз моего размера.

– Между прочим, грабить мертвых – тоже уголовное преступление, – заметил Фонтейн, забираясь на заднее сиденье машины. – Но не волнуйтесь, шериф, – прибавил он, когда они пустились в долгий и трудный путь обратно к цивилизации. – Я вас отмажу.

7

Стены маленькой пещеры, в которой когда-то жили индейцы-пуэбло, были покрыты глиной и выкрашены красной краской, однако прошедшие шесть веков оставили свой след. Нора Келли разглядывала заднюю стену в свете налобного фонаря. Круглый участок, где глину нанесли особенно толстым слоем, был покрыт пятнами сажи. Чем дольше Нора на него смотрела, тем сильнее росла ее уверенность, что именно здесь скрыт вход в заднюю часть убежища.

Ее аспирант Брюс Адельски вошел в пещеру и опустился на колени, присматриваясь к стене через плечо Нору:

– Странная штукатурная работа.

– Именно то, что я и думала.

Нора подалась вперед и легонько постучала по стене ручкой специального археологического совка. Звук был гулкий.

– Обалдеть! – воскликнул Адельски. – Там что-то есть!

– Уверена, что это захоронение. А значит, мы к этому не притронемся.

– Да бросьте! Серьезно? – Адельски не смог скрыть разочарования. – Даже одним глазком не взглянем?

– Новый президент – еще большая поборница строгих правил, чем я. – Нора позволила себе слегка улыбнуться.

Репутация Института археологии Санта-Фе на данный момент опустилась ниже плинтуса, и все из-за скандала, связанного с предыдущим президентом. Однако институт обладал достаточными финансовыми ресурсами и влиянием, чтобы быстро вернуть утерянные позиции, ну а пока нынешний старший археолог через месяц собирался в отставку, и Нора рассчитывала занять его место. Это повышение станет для нее ответственным шагом: тогда Нора встанет во главе «земляных червей», как их любовно называли коллеги, и будет отвечать за проведение всех активных раскопок, которыми занимается институт. Нора даже позволила себе помечтать о том, что в один прекрасный день ее назначат президентом. Да, прошлые раскопки обернулись катастрофой, но нынешние обещали увенчаться успехом: археологи готовы были завершить работу раньше срока, никаких проблем или спорных вопросов, местный совет пуэбло оказывал им полную поддержку, да и находки радовали. И, кроме того, ни одна из многочисленных проблем, возникших на раскопках лагеря Доннера, не могла быть возложена на Нору: свою работу она выполнила практически безукоризненно.

– Любопытно, что они хоронили мертвых прямо у себя дома, – заметил Адельски.

Нора улыбнулась ему. Да, поводов для хорошего настроения хоть отбавляй. Адельски – образцовый аспирант, добросовестный и надежный, а теперь у него достаточно опыта, чтобы самому руководить раскопками.

– Древние пуэбло любили держать покойных членов семьи при себе, – ответила Нора. И добавила вполголоса: – Действительно любопытно. Однако вполне объяснимо. – Затем она взглянула на часы. – Пора сделать перерыв на обед.

Они выбрались из пещеры через узкое отверстие. Нора выпрямилась и огляделась по сторонам, потирая поясницу. Эта пещера, одна из многих вырубленных в мягком вулканическом туфе на севере Нью-Мексико, являлась частью древнего поселения индейцев-пуэбло под названием Цанкави. Оно имело отношение к Национальному монументу Бандельер – государственному заповеднику, состоявшему из комплекса пещер, лестниц, троп, а также руин, расположенных на плато. Вид оттуда открывался потрясающий: древние пуэбло явно были ценителями живописных пейзажей. За долиной реки Рио-Гранде на расстоянии двадцати миль высились горы Сангре-де-Кристо, покрытые свежее выпавшим снегом. И все это – в каких-то

жалких нескольких милях от Лос-Аламосской национальной лаборатории, где разработали и собрали первую атомную бомбу. Контраст между руинами древней цивилизации и началом ядерного века всегда заставлял Нору испытывать когнитивный диссонанс.

Надевая на плечи рюкзак, она вдруг заметила на тропе фигуру, идущую в их сторону. Должно быть, какой-то бесстрашный турист: желающих посмотреть на руины Цанкави было не так уж и мало. Но когда фигура приблизилась, Нора уловила в ней что-то знакомое. До боли знакомое.

– Вот черт, – пробормотала она.

– Да уж, – согласился Адельски, уставившись на вновь прибывшую. – Опять эта девица из ФБР.

Нора с упавшим сердцем стряхнула пыль с джинсов. Ну что ей опять надо, этой Кори Свенсон? Нора очень надеялась, что хотя бы на этот раз Свенсон не погрузит раскопки в длительный хаос. Она неохотно спустилась в долину, чтобы встретить Кори в тени палатки.

Та подошла к ней с протянутой рукой.

– Здравствуй, Нора, – сказала Кори, когда они обменивались рукопожатием. – Надеюсь, не помешала?

Нора ответила:

– Смотря какое у тебя дело.

– Мое дело не касается раскопок в лагере Доннера, если ты об этом беспокоишься.

Нора тут же инстинктивно ошетижилась: «Я что, выгляжу обеспокоенной?» Однако она постаралась прогнать это чувство, сказав себе, что нельзя быть такой раздражительной.

– Мы собирались обедать, – сказала она. – Посиди в тени, выпей кофе.

– Спасибо, с удовольствием.

Нора провела Кори в палатку и налила ей кофе из большого термоса, а потом наполнила еще одну чашку, для себя.

– Присаживайся, – предложила она. – Вот сливки и сахар.

Кори с легким смущением опустилась на стул. Адельски расположился рядом с ней и притворился, будто пьет кофе, на самом же деле он просто хотел подслушать, что скажет агент ФБР. Нора с усмешкой подумала, что Кори до сих пор производит впечатление зеленого новичка: она так и не успела приобрести властную, уверенную манеру держаться, характерную для служителей правопорядка. И как же молодо она выглядит! Должно быть, ей нелегко приходится на службе, ведь большинство ее коллег – мужчины намного старше. Нора искренне посочувствовала Кори.

Тогда почему же ее одолевает такое сильное желание поскорее отделаться от этой особы?

– Как рука? – спросила Нора для поддержания вежливой беседы.

– Спасибо, зажила.

Они сидели на раскладных стульях вокруг пластикового рабочего стола. Сэндвич Норы лежал в стоящем рядом холодильнике, однако она рассудила, что есть при госте невежливо. Зато Адельски, ничуть не смущаясь, вытащил здоровенный сэндвич с колбасой и принялся жевать.

Нора сделала глубокий вдох:

– Что же заставило тебя проделать такой долгий путь, если не дело Доннера?

– Извини, что нагрянула без предупреждения. Я бы позвонила, но ты вне зоны действия сети, а ждать нет времени.

Нора кивнула.

– Перейду сразу к делу, – объявила Кори. – В городе-призраке в горах Азул обнаружено тело. Нужен тот, кто сумеет грамотно извлечь его из земли.

– То есть ты имеешь в виду меня?

– Да.

Внезапно Нора сообразила, почему появление Кори заставило ее нервничать: она подсознательно боялась именно такой просьбы.

– Разве в ФБР нет команды специалистов, которая этим занимается?

– Есть. Называется «группа по сбору улик».

– Тогда почему ты к ним не обратишься?

– Дело в том, что мы пока не знаем, идет ли речь об убийстве или о несчастном случае, – объяснила Кори. – Другими словами, это пока неофициальное расследование. Там работы всего на пару часов. Не стоит ради такой мелочи вызывать большую команду криминалистов.

«То есть их по пустякам отвлекать нельзя, а меня можно». Нора обдумывала это примерно секунду, затем сказала:

– Извини, но я очень занята. Срок действия нашего разрешения на проведение раскопок истекает пятнадцатого октября, примерно в это время на таких высотах выпадает снег. Я должна уложиться в график.

– Я все понимаю, – ответила Кори. – Но дело действительно недолгое. Очень важно, чтобы останки были извлечены правильно и возможные следы преступления сохранились в нетронутом состоянии.

– Сомневаюсь, что в институте отпустят меня хотя бы на день.

– А я, наоборот, уверена, что они не станут возражать. Различные учреждения часто оказывают профессиональную помощь органам правопорядка. Это своеобразное проявление вежливости.

– Вежливости?

Нору охватила досада: сформулировав свою мысль подобным образом, Кори намекнула, что отказывают одни невежи. Новичок она или нет, специальный агент Свенсон снова доказала, что от нее так просто не отделаешься.

– А еще, – добавила Кори, – твое участие в деле благотворно повлияет на репутацию института, которую не мешало бы восстановить.

«Напомнить, из-за кого она оказалась испорчена?» – чуть не сорвалось с языка у Норы, однако она вовремя сдержалась. Кори не агент, а питбуль какой-то: вцепится – не оторвешь! Но от благополучного завершения этих раскопок зависело многое, в том числе для самой Норы. Она снова сделала глубокий вдох:

– Извини, Кори. Ты очень убедительно излагаешь, но я сказала тебе правду: у нас тут полно работы, сроки поджимают, к тому же... – Нора слегка покривила душой, – мы и так отстаем от графика.

Она широко и дружелюбно улыбнулась Кори, давая понять, что тема закрыта. Надо поделиться с агентом Свенсон сэндвичем. Может, тогда она наконец уйдет.

– Бывала когда-нибудь в городе-призраке Хай-Лонсам? – вдруг спросила Кори после небольшой паузы.

– Впервые о нем слышу.

– Он находится на горном плато над пустыней Хорнада-дель-Муэрто. В старые времена там жили золотоискатели. Все здания прекрасно сохранились: гостиница, салун, церковь, конюшни. А еще по тамошним горам бродили Джеронимо и Кочис. Короче говоря, интересное место.

Нора покачала головой. На эту наживку ее не поймает.

– Труп, о котором идет речь, обнаружен черным копателем в подвале здания неизвестного назначения. Оно стоит в стороне от других на самом краю плато. Похоже, что этот человек прятался там – или кто-то спрятал там его тело – лет шестьдесят-семьдесят назад.

– И что, никаких следов преступления? – не удержавшись, спросила Нора.

– Пока трудно сказать. Охотник за реликвиями успел раскопать только верхнюю часть черепа и часть правого предплечья, а потом его арестовали. Тело превратилось в мумию, его занесло песком. Я не археолог, но похоже, что мужчина сидел на корточках у стены.

– В мумию?

Нора была заинтригована, но лишь слегка. Кори старалась изо всех сил... однако о поездке в Хай-Лонсам даже речи быть не могло. А значит, разговор надо прекращать.

Нора покачала головой, надеясь, что на этом уговоры закончатся:

– Твое умение убеждать выше всяких похвал, но момент ты выбрала неподходящий. Извини, но я в безвыходном положении.

Кори на мгновение опустила взгляд, словно в нерешительности, а потом подняла голову и посмотрела сначала на Адельски, потом на Нору:

– Я тоже. Мне очень нужно это дело. Честно говоря, я сейчас по уши в дерьме. – Кори запнулась. – Да что там по уши – с головой в нем утонула! Ты слышала про стрелка в горах Сандия?

– Да.

– Я участвовала в той операции и опозорилась по-крупному. Вот на меня и спихнули это дело. Думаю, это своего рода наказание. Или, что еще вероятнее, первый шаг на пути к блестящей карьере бумажной крысы. Буду расследовать махинации белых воротничков.

Нора нахмурилась:

– Что значит – опозорилась? Я слышала, операция в горах Сандия прошла успешно. Они – то есть вы – спасли маленькую девочку. Бедняжка отделалась легкой царапиной.

Кори поморщилась, как от боли, и махнула рукой, будто отгоняя неприятные воспоминания:

– Не имею права разглашать подробности. – Она снова покосилась в сторону Адельски. – Но надеюсь, теперь ты понимаешь, почему это дело для меня так важно.

Нора не нашлась что ответить и предпочла промолчать.

Немного погодя Кори снова заговорила:

– Просто я подумала... ну... после того, что случилось в горах Сьерра-Невада, когда я, э-э... – Она сделала паузу. – Конечно, мне не хочется поднимать эту тему, но буду называть вещи своими именами: я все-таки спасла тебе жизнь.

На мгновение Нора лишилась дара речи от этого сочетания нахальной прямоты и вопиющей бестактности. И вдруг ее раздражение как рукой сняло. Оставалось только рассмеяться.

– Ну ты и упертая! – сказала она, качая головой. – Похоже, ты действительно по уши в дерьме. Ну хорошо. Спасибо тебе – уже в который раз! – за то, что ты спасла меня в горах Сьерра-Невада. И кстати, ты забыла об одной мелочи: я тогда не дала тебе умереть от гипотермии.

Кори нечем было крыть.

Нора развела руками. Трудно отказать в такой отчаянной просьбе. И возможно, добровольная и бесплатная помощь федералам положительно скажется на репутации института и поможет Норе получить повышение.

– Ну, раз ты так ставишь вопрос, могу ли я отказать? Хорошо, я согласна. Когда? Если приложить усилия, то я, вероятно, сумею выкроить свободный денек на следующей неделе.

– Понимаешь, мы боимся, что молва разойдется по округе и в Хай-Лонсам пожалуют другие черные копатели, – ответила Кори. – Говорят, их в здешних местах пруд пруди, но не мне тебе рассказывать.

Чистая правда. Нора своими глазами видела больше разграбленных или оскверненных доисторических памятников, чем ей бы хотелось.

– То есть останки нужно извлечь как можно скорее?

– Да, например... завтра.

– Завтра?!

Кори покраснела:

– Чем раньше, тем лучше.

– Да, но я же тебе только что объясняла...

– Какой толк от твоего согласия, если к нашему приезду уже все растащат? Кстати... – Кори повернулась к Адельски. – Все, что вы слышали, является конфиденциальной информацией, и если вы будете ее распространять, то рискуете стать фигурантом уголовного дела.

– Что-что? Я ничего не слышал.

Отвернувшись, Адельски принялся сосредоточенно доедать сэндвич.

Кори снова поглядела на Нору и в первый раз за все это время улыбнулась:

– Что нам мешает разобраться с этим делом побыстрее? Я заеду за тобой... ну, скажем, в половине восьмого утра. Придется совершить небольшую поездку.

Нора мысленно согласилась с Кори: да, чем скорее она разделается с этой историей, тем лучше.

8

На рассвете Кори заехала за Норой на большом черном «навигаторе» с тонированными стеклами – типичной машине ФБР, задняя часть которой была заполнена пластиковыми коробками, пакетами и контейнерами для улик. «Небольшая поездка» в результате заняла больше четырех часов: два от Санта-Фе до Сокорро, а потом, как запоздало сообщила Кори, еще два часа по тряским грунтовым дорогам через горы. Нора была раздосадована тем, что ее не предупредили заранее, но потом она сообразила, сколько времени пришлось потратить Кори, чтобы ее забрать, если учесть, что Альбукерке в часе езды от Санта-Фе. А ведь агент Свенсон еще повезет ее обратно!

Проехав через Сокорро, они повернули на восток и направились в горы. Кори постоянно сверялась с GPS-навигатором и заглядывала в какие-то наспех нацарапанные записи, пока машина, дергаясь и подпрыгивая, ехала по одной дороге Лесной службы за другой, каждая следующая хуже, чем предыдущая. Наконец Кори остановила машину на развилке:

– Черт! Сигнал GPS пропал.

– Мы что, заблудились? – спросила Нора, чувствуя, что начинает закипать.

– Нет, конечно! Просто я... не совсем уверена, надо ли нам здесь поворачивать.

Нора сидела молча, пока Кори пыталась заставить навигатор работать.

– Я думала, эти штуки работают от спутникового сигнала. Он не показывает маршрут!

– Обычное дело, – ответила Нора. – Если собираешься туда, где сеть не ловит, надо загрузить карты заранее, вот и вся хитрость. У нас, археологов, эта привычка доведена до автоматизма.

– Черт, – снова пробормотала Кори.

Нора открыла дверцу машины.

– Ты куда? – удивилась Кори.

– Сейчас скажу тебе, в какую сторону ехать.

Нора обошла «навигатор» и осмотрела разделяющиеся дороги: одна поворачивала направо, другая шла прямо. Несколько минут спустя Нора вернулась в машину.

– Сворачивай направо, – велела она.

Кори уставилась на нее:

– Как ты это определила?

Нора не смогла сдержать улыбку:

– По следам от колес. Ты ведь ездил сюда два дня назад, верно? Вот я и высматривала на земле свежие отпечатки шин. Вряд ли за это короткое время кто-то еще наведется в такую глушь. Поезжай дальше и останавливайся на каждой развилке. Я буду говорить, куда сворачивать.

Кори кивнула, явно расстроенная – то ли из-за того, что заблудилась, то ли потому, что такое простое решение проблемы не пришло ей в голову.

Они продолжили путь, и на каждом повороте Нора выходила из машины и изучала дорогу, высматривая участок мягкой земли, на котором должны были сохраниться следы шин. Наконец около половины двенадцатого они выехали из-за каменного гребня, и перед ними, будто из ниоткуда, возник городок Хай-Лонсам, раскинувшийся на плато.

Когда Нора вышла из машины, у нее захватило дух. Она повидала немало городов-призраков, но этот был не похож на другие. Неожиданно она поняла, что долгая дорога того стоила.

– Даже не верится, что такой город смог дожить до двадцать первого века, – произнесла она, озираясь по сторонам.

– Я так и думала, что ты это скажешь.

Шагая по главной улице, Нора ненадолго останавливалась то с одной стороны, то с другой, чтобы получше разглядеть здания, на которых кое-где до сих пор висели полинявшие вывески. Вот двухэтажная гостиница («Гостиница Хай-Лонсам, салун, комнаты»), конюшня, баня, а в конце улицы – церковь. Первый этаж церкви был построен из камня и кирпича-сырца. Шпиль из высохшего дерева по-прежнему возвышался над зданием, только покосился, будто Пизанская башня.

С плато, на котором стоял город, открывался вид на бескрайнюю пустыню, будто воплотившую в себе понятие бесконечности. Вдалеке раскинулись необозримые просторы беспощадно суровой пустыни Хорнада-дель-Муэрто. Она тянулась вдоль гор и с высоты походила на одеяло из коричневых, красных, черных и серых лоскутов. Осенний день выдался солнечным, но не жарким: ярко голубело небо, в прохладном воздухе ощущалась бодрящая свежесть. Внезапно Нора обрадовалась, что Кори уговорила ее сюда приехать, и все раздражение исчезло без следа.

– Неплохо здесь, правда? – небрежно спросила Кори, убирая с лица короткие темные волосы и оглядываясь по сторонам.

– «Неплохо» – это слабо сказано, – ответила Нора и после паузы прибавила: – Вот за это я и люблю Нью-Мексико. Сколько здесь потрясающих мест! Как же тебе повезло, что тебя отправили служить в Альбукерке.

– Думаешь? А по-моему, Альбукерке та еще дыра.

– У этого места есть свое очарование. Надо лишь уметь его замечать. И вообще, во всем надо искать плюсы. Здесь ты точно не соскучишься: уровень преступности запредельный, полицию финансируют скудно, в офисе окружного прокурора все сотрудники некомпетентны.

– Это что, критика властей?

Нора рассмеялась:

– В Нью-Мексико это общеизвестные факты.

Они сели обратно в «навигатор» и медленно проехали по главной улице, потом свернули направо возле церкви. Словно по сигналу, стая воронов, потревоженная их прибытием, вылетела с колокольни, хлопая крыльями и сердито каркая. Машина проехала мимо ограды, за которой стояла знававшая лучшие времена школа, почти скрывшаяся в зарослях чамисы. Добравшись до окраины города, они подъехали к зданию, построенному в стороне от остальных. Оно частично обрушилось, изъеденные эрозией стены из кирпича-сырца напоминали гнилые коричневые зубы. Кори остановила машину, и они с Норой вышли.

– Интересно, почему такой большой дом построен на отшибе? – задумчиво произнесла Нора.

– Спорим, тут был бордель?

– Знаешь, а ведь ты, скорее всего, права, – ответила Нора.

Она достала с заднего сиденья рюкзак, где лежали инструменты для проведения раскопок, бутылки с водой и контейнер с обедом. Накинув рюкзак на плечо, Нора полной грудью вдохнула свежий воздух. Хай-Лонсам. До чего же подходящее название! Несмотря на то что в Цанкави Нору ждала куча работы, этот день обещал стать интересным, очень интересным.

Она подумала, что вряд ли мужчина, чье тело здесь нашли, был убит. Скорее всего, он просто заблудился и умер от жажды или перегрева. Некоторое время Нора разглядывала полуразрушенное здание. Там, где обвалилась крыша, валялись сухие потрескавшиеся балки. Наполовину засыпанный песком подвальный люк вел вниз. Нора заметила возле него свежие следы.

– Тело внизу, у задней стены подвала, – пояснила Кори. – Оно частично раскопано.

Нора кивнула:

– Хорошо. Пойду взгляну на него.

– Можно мне пойти с тобой и посмотреть? Обещаю не мешать.

Нора помедлила. Она не любила, когда у нее стояли над душой во время работы.

– Похоже, там внизу тесновато.

– На самом деле это моя обязанность, ведь расследование поручено мне. Может, как-нибудь поместимся?

Верная себе, Кори снова попыталась нарушить границы дозволенного.

– Ну ладно, – наконец согласилась Нора. – Только осторожно, не наткнись на гремучую змею.

Она сняла с плеча рюкзак и сбросила его в подвал, потом опустилась на четвереньки и сползла вниз по песку. Высота потолка едва позволяла выпрямиться в полный рост. Кое-где виднелись небольшие ямы – возможно, разведочные траншеи, но более вероятно, что расхититель старинных ценностей не обладал профессиональной подготовкой и копал наугад. Когда глаза Норы привыкли к темноте, она заметила у дальней стены участок, где песок был расчищен. Она направилась в ту сторону и увидела выглядывающие из песка череп и предплечье.

– Ну, что скажешь? – спросила у нее из-за спины Кори.

Нора ответила не сразу. Ее охватило дурное предчувствие.

– Работа предстоит нелегкая. Чтобы извлечь тело как подобает, нужно убрать из подвала весь песок, а его здесь немало. – Она помедлила. – Вряд ли тут можно управиться до вечера.

– А если просто выкопать тело?

Нора вздохнула. Люди понятия не имеют, в чем заключается работа археолога. Все их представления об этой профессии основаны на фильмах про Индиану Джонса.

– Нет, просто выкопать нельзя. Я думала, уж тебе-то это должно быть известно.

Кори, похоже, смутилась.

Нора продолжила:

– Нужно снять грунт до так называемого горизонта – в нашем случае это подвальный пол. Рядом с телом могут обнаружиться личные вещи и другие предметы. Археолог продвигается слой за слоем, а учитывая, что здесь песок, придется делать это с помощью кистей.

– Ты эксперт, тебе виднее.

Голос Кори звучал немного напряженно, и Нора удивилась почему. Наверное, специальный агент Свенсон опять компенсирует недостаток опыта показной уверенностью.

Именно поэтому Нора так не любила, когда на раскопках присутствовали праздные зеваки: все время приходится объяснять, что делаешь и зачем. Однако она сочла за лучшее оставить эту мысль при себе. Теперь ее глаза окончательно привыкли к темноте, и Нора поняла, что можно обойтись без налобного фонаря, так как непрямого света было вполне достаточно. Поставив рюкзак в стороне от тела, она расстегнула молнию и стала доставать инвентарь: светоотражающую ленту, колышки, мерную рейку, совок, кисти, наколенники, маску, сеточку для волос и перчатки из нитрила. Перчатки Нора всегда брала про запас и, натягивая свою пару, кивнула Кори:

– Ты тоже надевай.

– Да, конечно.

Рука у Норы была набита, и она быстро поделила подвал на квадраты, разметила их клиньями и натянула ленту; всего получилось четыре квадрата, каждый площадью один квадратный метр. Она сделала несколько фотографий и начертила получившуюся решетку в блокноте, потом ввела данные в айпад, куда была загружена археологическая программа «Proficio»: Нора пользовалась ею во время таких вот маленьких раскопок. Программа не только зафиксировывает все слои и обнаруженные артефакты в трехмерной системе координат, но и занесет их в базу данных с функцией поиска.

Нора достала кисточку средних размеров, опустилась на колени и принялась счищать песок с черепа. Обработав редкие волосы, она начала открывать лицо. На черепе сохранилось много засохшей плоти, и вскоре Нора убедилась, что перед ней действительно мумия, сохранившаяся благодаря высокогорному воздуху и дыханию пустыни. Вдобавок мумия оказалась

хрупкой. Ошметки плоти едва держались на костях, поэтому работать следовало с максимальной осторожностью. Нору снова посетило дурное предчувствие. Что и говорить, задача непростая. Она смахивала песок медленно, стараясь ничего не повредить и время от времени отрываясь от работы, чтобы сфотографировать мумию.

Дюйм за дюймом, и наконец лицо было полностью открыто.

– Ничего себе! – воскликнула Кори, стоявшая у нее за спиной. – Ты только посмотри на него! Должно быть, сильно мучился перед смертью.

Нора тоже была ошеломлена. Смерть этого человека была ясно написана у него на лице: рот широко открыт в беззвучном крике, коричневый язык, покрытый пятнами, похож на сушеный сморчок, потемневшие зубы ощерены, иссохшие губы искривлены в гримасе боли и ужаса.

Нора работала с останками еще час, потом села на корточки и взглянула на часы. Почти два. Несмотря на весь ужас этой работы, она почувствовала, что проголодалась и хочет пить.

– Может, пообедаем? – предложила она Кори.

– Давай.

Нора медленно выпрямилась, чувствуя, как скрипят ее кости. Взяв свой обед, она выбралась из подвала на яркое солнце, устроилась на упавшей балке и достала большой сэндвич с ростбифом, который сделал ее брат Слип, – они жили в одном доме в Санта-Фе, и почти вся готовка была на нем, а взамен Нора делала ему послабления по квартплате.

Откусив кусок, она взглянула на Кори. Та стояла в стороне, глядя куда-то вдаль.

– А ты обедать не будешь?

– Нет, – выпалила та. – Я... э-э... на диете.

Нора уставилась на ее стройную фигуру:

– То есть ты забыла взять с собой еду. Я угадала?

– Ну... Вообще-то, да, но ты за меня не беспокойся, я не голодна. Просто в последнее время я немного рассеянная. На работе столько всего навалилось.

Нора взяла верхнюю половину сэндвича, сочившуюся майонезом и соусом с хреном, и протянула Кори:

– Вот, держи. Мне все не осилить.

Немного поколебавшись, Кори взяла угощение и села.

Минуту они ели молча, а потом Нора сообщила Кори неприятную новость:

– Не хочется тебя расстраивать, но тут за один день не управиться. Нечего и надеяться.

– А нельзя ли как-нибудь побыстрее?

– Нельзя, – отрезала Нора, снова почувствовав раздражение. – Ты же сама хотела, чтобы тело было извлечено как полагается. Надеюсь, ты заметила, что останки хрупкие, как бумага.

– Но... это ведь не доисторическое захоронение. Мне всего лишь надо установить, убийство это или нет.

Нора уставилась на Кори во все глаза:

– Между прочим, я оказываю ФБР и лично тебе услугу. И раз уж я взялась за работу, то должна все делать по правилам, опираясь на свой профессиональный опыт. Это понятно?

– Так когда ты закончишь?

Сейчас Нора действительно не могла тратить на это время. Нужно было как можно мягче закончить с этим делом.

– Судя по сегодняшним темпам, недели через две.

– Что?! Да ты издеваешься! У моего босса будет припадок!

– Мне нет дела ни до твоего босса, ни до его припадков. Кроме того, у тебя есть проблема посерьезнее.

– Какая?

– Я. Мне надо уложиться в сроки, забыла? Я пошла тебе навстречу, внеся изменения в свой график и приехав сюда.

– Да, и я тебе очень благодарна. Но... – Кори с досадой указала на провалившийся потолок. – Сама же видишь, дело важное.

Нора вздохнула:

– Может быть. Но подумай сама, из Санта-Фе сюда ехать четыре с половиной часа. Значит, девять часов будет уходить на одну дорогу. Сейчас уже два часа, через час пора отправляться обратно, и даже тогда домой я вернусь не раньше восьми вечера. То есть все эти разъезды ради трех часов работы!

Повисла пауза.

– Вот что я предлагаю, – продолжила Нора. – Я вернусь и помогу тебе, когда закончу раскопки в Цанкави. Они уже почти завершены, сейчас мы документируем находки и приводим место работ в первоначальное состояние. Я освобожусь недели через две-три.

– Спасибо, – немного помолчав, сказала Кори. – Но ты не хуже меня знаешь, что через две недели тут ничего не останется, кроме следов от лопаты и отпечатков ботинок.

Нора отпила глоток воды. Об этом она не подумала, но, пожалуй, Кори права. По округе пойдут слухи, или кто-то случайно наткнется на останки. Нора окинула взглядом удивительно хорошо сохранившийся город-призрак и великолепный вид на пустыню.

– Ты ведь уже согласилась, – напомнила Кори. – Пожалуйста, доведи дело до конца. Ты не можешь бросить меня в трудную минуту.

Хотя Нора в ответ покачала головой, слова Кори запали ей в душу. К тому же приходилось признать, что ее заинтриговала мумия и выражение ее лица. Нора мысленно выругалась. Надо было следовать первому побуждению и сразу ответить категоричным отказом.

– Есть один вариант, – медленно произнесла она.

Кори посмотрела на нее с надеждой.

– Завтра я вернусь сюда с походным снаряжением. В таком случае я смогу проработать двенадцать-четырнадцать часов подряд вместо трех... и завершу раскопки за два дня.

По мнению Норы, Адельски был вполне готов для того, чтобы взять на себя руководство раскопками в Цанкави. Задокументировать находки он уж точно в состоянии: надо просто сделать фотографии, описать артефакты и занести их в базу данных. Для него это станет полезной практикой.

– Будем жить в палатке? – уточнила Кори. – Мой наставник это не одобрит.

– Тебе приезжать не обязательно. Ты все равно не сможешь мне помочь.

– Но ты будешь здесь совсем одна! Нет, так не пойдет.

– Возьму с собой брата. Он будет в восторге от этого места. А еще у него есть «ремингтон» двенадцатого калибра, и он прекрасно умеет с ним обращаться.

– А как же твоя собака? Псу здесь не место.

– Митти – собака Скипа, но мы на время оставили его у нашей тети: она только что овдовела и нуждается в утешении. Послушай, я ничего тебе не обещаю. Сначала нужно получить разрешение у нового президента института, но, думаю, она возражать не станет: я ведь отлучусь всего на два дня.

– Но... я должна быть здесь, с тобой. В ФБР такие правила. Значит, мне тоже нужно получить разрешение.

– Тогда поторопись, потому что других вариантов я тебе предложить не могу.

Нора еще не успела договорить, а ее взгляд уже устремился в сторону подвала, внутри которого скрывалась загадка.

9

Когда на следующее утро Нора позвонила в приемную президента института, чтобы попросить два дня отгула для помощи ФБР, ассистент президента бодро воскликнул:

– Вот это совпадение! Я как раз собирался вам звонить. Доктор Вайнграу ждет вас у себя в кабинете в десять часов.

Приближаясь к резной двери ручной работы, ведущей в приемную президента, Нора, сама не зная почему, ощущала смутное беспокойство. Доктор Марсель Вайнграу заняла этот пост после долгих поисков подходящего человека, которыми совету института пришлось заняться после скандальной истории с предыдущим президентом, отбывающим ныне тюремный срок. Она приступила к своим обязанностям всего месяц назад и еще не успела как следует познакомиться с персоналом, если не считать одного-единственного официального собрания. У Норы создалось впечатление, что доктор Вайнграу будет отстраненным, холодным лидером.

Раньше она работала деканом и преподавателем антропологии в Бостонском университете, и Нора предполагала, что отчасти причиной ее формализма является новоанглийская сдержанность. Возможно, на западе она хоть немного расслабится. Когда профессора Вайнграу взяли на должность, всем разослали ее резюме, и Нора с интересом отметила, что темой докторской диссертации нового президента стала антропология майя в горах Гватемалы. Вайнграу жила там несколько лет и свободно изъяснялась как на испанском, так и на киче⁸. Нора нашла несколько статей доктора и пришла к выводу, что они вполне достойные, хотя и перегружены терминологией. Любопытно было бы узнать доктора Вайнграу поближе.

– Проходите и садитесь, – предложил ассистент президента.

Дверь в кабинет Вайнграу оказалась закрыта, однако Норе было слышно, как она разговаривает с каким-то мужчиной с низким голосом.

Нора села, и несколько минут спустя Вайнграу открыла дверь:

– А-а, Нора. Рада вас видеть. Проходите.

Нора вошла в красивый старомодный кабинет. Она часто бывала здесь еще при прошлом президенте. Тогда кабинет украшали древние горшки индейцев-пуэбло и ковры навахо из коллекции института. Но Вайнграу убрала эти предметы, чтобы освободить место для своих вещей, и теперь целую стену занимали ее дипломы и ее фотографии среди гватемальских майя, вперемежку с репродукциями Шагала и Миро. Хотя Норе нравилось творчество обоих художников, в кабинете, обставленном в испанском колониальном стиле, их работы выглядели неуместно.

Молодой человек, сидевший в кресле возле стола, встал при ее появлении.

– Хочу представить вам доктора Коннора Дигби, нашего нового куратора.

Мужчина шагнул вперед. У него был квадратный подбородок и импозантная внешность выпускника престижного университета Лиги плюща: синий блейзер, брюки цвета хаки и галстук в полоску, завершающий образ. Дигби с широкой улыбкой протянул Норе руку.

– Нора Келли, – представилась она, отвечая на его рукопожатие. – Приятно познакомиться, Коннор.

Нора продолжала улыбаться. Она не знала, что институт выделил финансирование еще на одну позицию куратора, но дополнительные кадры им не помешают.

– Коннор – специалист по культуре могольон⁹, он проводил раскопки в Мексике, в Касас-Грандес, – заговорила Вайнграу. – А Нора – наш эксперт по культуре древних пуэбло на юго-

⁸ *Киче* – язык народа киче, принадлежащий к майяской языковой семье. Распространен в центре Гватемальского нагорья.

⁹ *Могольон* – одна из четырех крупнейших исторических культур юго-запада современных США, частично затрагивавшая также территорию Северной Мексики. Существовала во II–XV веках. Название происходит от Могольонских гор.

западе. Кроме того, она обладает богатым опытом в сфере исторической археологии, который приобрела в Калифорнии и Нью-Йорке. Полагаю, у вас найдется много общих интересов.

– Уверен, мы отлично поладим, – ответил Дигби.

– Коннор только что закончил работу в Мексике, где был по приглашению Национального института антропологии и истории, – продолжила Вайнграу. – А теперь он вступит в наши ряды в качестве старшего куратора.

Старшего куратора?.. Ситуация сразу прояснилась. На данный момент старшим куратором была Нора: если ее повысят, место освободится. Значит, Дигби ее заменит. Выходит, Нору ждет новый шаг по карьерной лестнице? Она постаралась сохранить спокойное, сдержанное выражение лица и не выдавать своих чувств. Ни к чему забегать вперед.

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Нора и Коннор опустили в кожаные кресла по обе стороны от стола Вайнграу, и президент рассказала подробнее о биографии и опыте Дигби, объяснив, чем он занимался и почему сейчас, в этот сложный момент, он сможет принести институту большую пользу.

Нора слушала, дожидаясь, когда речь пойдет о ее повышении. Интересно, как кураторы отнесутся к тому, что вместо нее их руководителем станет человек со стороны? Но когда Вайнграу продолжила свою речь, рассуждая о будущем сотрудничестве Келли и Дигби, Нора начала догадываться, что цель встречи не в том, чтобы сообщить о ее назначении на новую должность.

Между тем Вайнграу принялась описывать кабинет, в котором будет работать Дигби: это помещение находилось рядом с кабинетом Норы и уже некоторое время пустовало. Президент выразила уверенность, что Нора с удовольствием все покажет и расскажет новому сотруднику, познакомит его с коллегами и поможет организовать для него рабочее место в лаборатории.

Свою речь она завершила так:

– Вам предстоит тесное сотрудничество. Конечно, проекты у вас будут разные, но я полагаю, что вы найдете точки соприкосновения.

Растянув губы в улыбке и старательно изображая интерес, Нора кивала. Но ее только что посетила новая и очень неприятная мысль. Получается, Дигби не заменит ее на прежней должности, а станет ее конкурентом, претендующим на то же место, что и она? Нет, не может быть: даже в нынешнем сложном политическом климате повышают по принципу старшинства, учитывая заслуги. Профессиональный опыт Норы богаче, чем у Дигби, у нее вышло больше публикаций, к тому же она старше его как минимум на пять лет, – кстати, надо будет заглянуть в его резюме. Кроме того, Нора работает в институте уже давно, от этого уж никак нельзя отмахнуться. Ее подозрения – всего лишь паранойя... хотя в наши дни излишняя подозрительность может оказаться полезной.

Наконец встреча завершилась. Дигби еще раз пожал Норе руку и отправился осматривать хранилища. Нора встала, тоже собираясь уходить, но тут Вайнграу спросила:

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Господи, чуть не забыла!

– Ничего особенно важного, – начала Нора. – Помните, я вчера говорила, что ФБР нужно помочь с извлечением тела? Я ездила осматривать это место, и оно находится очень далеко, в горах Азул. Раскопки оказались сложными, понадобится еще два дня работы. Вы не возражаете, если я доведу это дело до конца? Брюсу Адельски вполне по силам взять на себя руководство раскопками в Цанкави. Я поеду вместе со Скипом, если вы его отпустите.

– Разумеется, – ответила Вайнграу. – Возьмите эти дни, а если понадобится, можете задержаться даже дольше. Безвозмездная помощь такого рода поможет восстановить нашу репутацию в глазах общественности. Слава богу, что теперь у нас есть Коннор, – прибавила она. – Он вас заменит.

Когда Нора выходила из кабинета, в ушах у нее звучала эта последняя фраза.

10

Кори очень удивилась, когда Морвуд с готовностью согласился на ее предложение, но потом она сообразила, что наставник просто рад отделаться от нее на пару дней. Ну и пусть. Она все равно будет работать так усердно, будто расследует дело чрезвычайной важности, и постарается скрыть свои тревоги и бессильную досаду. Нора договорилась со своим ассистентом Адельски и основательно загрузила его работой на ближайшие два дня.

В город-призрак они вернулись вечером, захватив все необходимое снаряжение и запасы продовольствия. С тех пор прошло два дня. В первый день Нора трудилась с рассвета до заката, на следующий день тоже была на ногах с шести часов утра. До наступления темноты она успела расчистить ту часть подвала, где находилось тело. И вот теперь, в десять часов вечера, они с удовольствием грелись у костра после честно заработанного стейка на ужин. Нора привыкла к жизни в походных условиях, а ее брат Слип готовил еду, поддерживал маленький лагерь в порядке и заодно развлекал их музыкой. Он показался Кори вполне приятным парнем: высокий, нескладный, с непослушной копной неряшливо подстриженных темных волос. Слип оказался отличным поваром, а палатка, которую он поставил, была натянута туго, как кожа на барабане. Кори нравилось, как он целый день суется, следя, чтобы в лагере все было в порядке. И хотя его исполнение старых ковбойских песен под бренчание на гитаре «Гибсон» отнюдь не поражало воображение, Кори нравилось сидеть под звездным куполом у гаснущего костра и слушать незнакомые мелодии, извлекаемые Слипком из расстроенного инструмента. Самой милой чертой брата Норы было его неутолимое любопытство. Услышав историю о старателях, заваленных в шахте, Слип не успокоился, пока не посетил разрушенное кладбище и не осмотрел каждую могильную плиту, а потом он засыпал Кори десятками вопросов, ответов на большинство из которых она не знала.

Когда раскопки наконец завершились, Кори испытала облегчение. То, как медленно и кропотливо Нора расчищала песок вокруг тела, выводило ее из себя. Подумать только – часами махать кисточкой, время от времени сдвигать песчинки при помощи специальных миниатюрных мехов и снова браться за кисточку! Однако Кори понимала, какую огромную услугу ей оказывает археолог, жертвуя своим временем. К концу дня Нора раскопала тело целиком. Это было странное и пугающее зрелище, и оно никак не помогало раскрыть тайну того, что делал здесь этот человек и отчего он умер. Завтра утром, после того как Нора задокументирует находки, они поместят тело и обнаруженные предметы в контейнеры для улики, а потом отвезут в Альбукерке. Кори рада была, что провела эти дни вне офиса: впервые после той перестрелки она чувствовала себя почти нормально. И все же она втайне надеялась, что никакого криминала в деле не обнаружится и Морвуд, посчитав, что она уже достаточно наказана, поручит ей более подходящее дело.

– Ну что? – сказал Слип, сидевший на бревне у огня. – Раз наша рабочая смена закончилась, не желаете пропустить по глоточку сокола?

Он достал из рюкзака бутылку и слегка встряхнул ее. Стекло сверкнуло в свете костра.

– Фу! – поморщилась Нора. – Ты же знаешь, я его терпеть не могу.

– Что такое «сокол»? – спросила Кори.

Нора покачала головой:

– Поверь мне, не стоит и пробовать. Возьми лучше пиво.

Она открыла сумку-холодильник, вытащила из льда две бутылки «Короны» и протянула одну Кори. По запотевшему горлышку заманчиво сползали тающие кусочки льда. Кори спросила себя, может ли она расслабиться, и решила, что может.

Она взяла бутылку.

– Правильный выбор, – одобрила Нора, отвинтив крышку и отпив глоток своего пива. – А ты, Скип, не увлекайся.

– Хорошо, хорошо.

Повисла пауза. Все молча глядели на огонь.

– Что, если скелеты тех старателей прямо под нами? – наконец проговорил Скип. – Золотоносная шахта находилась примерно на этом месте, верно? Только представьте: они умирали медленной смертью от голода и жажды. А может быть, задохнулись, и все это в кромешной тьме. – Скип понизил голос. – Между прочим, люди, которых постигла такая страшная участь, не могут упокоиться. Их духи становятся... беспокойными.

Нора бросила в него крышку от бутылки:

– Даже не начинай. Хочешь перепугать нас до полусмерти своими байками о привидениях?

– Кстати, – произнесла Кори, – раз уж раскопки закончились, что ты думаешь про нашего покойника?

– Непохоже, чтобы его убили. Во всяком случае, явных признаков не заметно.

– Только явных? Значит, это все-таки возможно?

– Трудно сказать. Странно, что тело застыло в позе эмбриона, как будто этого человека отравили или он замерз насмерть. А возможно, у него были галлюцинации: он поднял руку, будто пытался отогнать кого-то – или что-то.

– А эта гримаса? – подхватил Скип, с большим интересом следивший за ходом работ. – Такое жуткое лицо даже в фильмах с компьютерной графикой за миллион долларов не увидишь.

– В лаборатории проведут полное исследование, – сказала Кори. – Токсикологический анализ, патологоанатомическое вскрытие и так далее. Если его отравили, мы это узнаем.

– А может, этого парня погубил плохой вкус? – предположил Скип. – Вы только посмотрите на его рубашку!

Нора проигнорировала эту теорию:

– Артефакты, которые я обнаружила рядом с телом, дают несколько зацепок для расследования.

– Например? – спросила Кори.

– Молоток каменщика и складная лопата. Похоже, он был старателем. А еще очень интересно заглянуть в его рюкзак. Может, там найдутся документы.

– Мы проведем полную инвентаризацию его имущества в лаборатории, – вставила Кори. Немного поколебавшись, Нора сказала:

– Мне кое-что пришло в голову. Рядом с ним лежала холщовая сумка. Но это не вещмешок, а что-то вроде корзины. Такие навьючивают на спину мула.

Скип присвистнул:

– Намечаешь, что...

– Вот именно.

Кори поглядела на Нору:

– Вы о чем?

– К седлу по бокам крепятся две корзины. А это значит, что вторая, наверное, где-то здесь. А с ней и скелет мула.

Кори вздрогнула:

– Завтра поищем в городе.

11

Они встали до восхода солнца – все, кроме Скипа, который, несмотря на предупреждение Норы, слишком увлекся сотолом. Выбираясь из спального мешка на холодный воздух, Кори была благодарна Норе за то, что она встала пораньше, развела костер и сварила походный кофе. Они с Норой сидели и маленькими глотками потягивали горькое варево, пока солнце всходило над восточными вершинами. В его желтых лучах город-призрак выглядел особенно заброшенным. Точь-в-точь картина Эдварда Хоппера, подумала Кори: сплошные длинные тени и темные окна.

– Ну что ж, поищем пропавшую корзину нашего парня, – сказала Нора, отставив в сторону пустую чашку. – А заодно и кости его мула.

– За дело.

Они решили разделиться: Кори осматривала одну часть города, Нора другую. Когда Кори шла среди руин, снова вспорхнули вороны и закружились у нее над головой с хриплым карканьем. В Хай-Лонсеме оказалось много столбов и других мест, где можно привязать лошадь или мула, – даже слишком много.

Тут Кори осенило: зачем оставлять животное где попало, если можно отвести его в загон?

Она направилась к конюшням и там, за разрушенным зданием, обнаружила несколько смежных загонов. Ограда почти полностью обвалилась, но полвека назад она наверняка была достаточно крепкой, чтобы пристроить здесь мула на ночлег.

Кори вошла в один из загонов и огляделась. Все вокруг заросло засохшей травой, а возле изгородей скопились шары перекасти-поля. Повсюду валялся старый мусор: разбитые бутылки, на солнце отливающие багровым светом, кольца колючей проволоки, проржавевшие пряжки от конской сбруи и высохшие кожаные ремни.

Кори замерла. В дальнем углу загона виднелось что-то белое. Направившись туда, она обнаружила череп крупного животного, наполовину засыпанный песком. На него был надет кожаный недоуздок – вернее, то, что от него осталось. Отпихнув в сторону перекасти-поле, Кори обнаружила и другие кости: животное умерло здесь, возле этой ограды. Поблизости, там, где раньше были ворота, Кори нашла кусок сгнившей холстины того же веса и цвета, что и корзина в подвале. Итак, пропавший мул обнаружен. Рядом с ним валялась сгнившая одежда, вывалившаяся из остатков холщовой корзины.

Осмотревшись по сторонам, Кори нашла еще кое-что: моток веревки для альпинизма и проволоку вместе с ржавыми крюками, закладками и карабинами. Ей уже приходилось видеть эти вещи, и она сразу поняла, что это снаряжение скалолаза.

Кори позвала Нору, осматривавшую другую часть города. Археолог тут же подошла к ней.

– Бедняжка, – сказала Нора, глядя на россыпь костей. – Какая ужасная смерть. – Она опустила на корточки возле останков мула.

Кори кивнула:

– Теперь мы можем частично восстановить события последнего дня жизни этого человека. Он отвел мула в загон, а седло и одну из корзин оставил у ворот. Вторую корзину он взял с собой в подвал. Там он и умер, причем похоже, что в страшных мучениях. Мул остался запертым в загоне и через какое-то время тоже умер.

– А может, и нет, – возразила Нора, смахнув песок, частично скрывавший череп.

– Почему?

Нора указала на то, что обнаружила, и Кори все поняла без слов. В передней части черепа виднелась дырка, в которой безошибочно узнавалось пулевое отверстие. Пуля вошла в череп, но выходное отверстие отсутствовало.

Нора осторожно потрясла череп и услышала постукивание. Она заглянула внутрь и увидела искореженную, сплюснутую пулю.

– Животное застрелили, – объявила она.

– Зачем хозяину убивать своего мула? – удивилась Кори.

– Мы не знаем, что это сделал именно он. А еще мы не знаем, почему он умер в такой странной позе – сжавшись в комок. В этой истории много непонятного.

Они немного помолчали.

– А что ты думаешь про снаряжение для скалолазания? – наконец спросила Кори.

– Готова поспорить, он искал старую золотоносную шахту, расположенную ниже уровня плато.

Кори снова кивнула:

– Давай уберем все эти вещи в контейнеры для улик.

К десяти часам все предметы были собраны, упакованы и запечатаны. Оставалось только само тело. Слип наконец проснулся и приготовил на всех сытный завтрак, состоявший из блинов с черничным джемом, бекона и яиц.

– Перенести тело будет не так-то просто, – проговорил Слип с полным ртом. – Оно хрупкое, как крыло бабочки.

Он запихнул в рот еще одну полоску бекона и принялся громко чавкать.

– Надо взяться за это дело всем вместе, – сказала Нора.

После завтрака они вернулись в подвал, захватив с собой мешок для трупа и большой контейнер, похожий на гроб. Мужчина сидел, свернувшись в три погибели у стены подвала. На нем был плащ из клеенчатой ткани, надетый поверх клетчатой рубашки и холщовых штанов с кожаными подтяжками. Одежда настолько иссохла, что края стали коричневыми и крошились в пыль. Большие участки кожи отслаивались сухими пластинами. Рядом лежали остатки ковбойской шляпы. Одну руку мужчина прижимал к груди, вторую выставил перед собой, будто отталкивая что-то.

– Ладно, – сказала Нора. – Сделаем так. Положим открытый пакет на пол рядом с трупом, потом вдвоем возьмем его снизу, на счет «три» одновременно поднимем и положим в пакет, а пакет уберем в контейнер. Все согласны?

Кори и Слип кивнули.

Руками в перчатках они взяли за тело снизу: Нора за плечи, Кори за бедра, Слип за колени.

– Раз, два, три.

Они подняли мумию, оказавшуюся на удивление легкой, и осторожно положили ее в расстегнутый пакет для трупов.

По помещению распространился странный, неприятный запах, напоминающий вонь испорченного сыра. Кори старалась дышать через рот.

– Отлично, – произнесла Нора.

– Смотрите! – вскрикнул Слип. – У него из одежды что-то выпало.

Он указал на предмет, лежащий на пластике рядом с телом. Размером примерно с ладонь, он был завернут в кусок кожи и перевязан посередине кожаными шнуром.

Кори наклонилась, чтобы получше разглядеть находку. Сквозь трещины в коже внутри что-то поблескивало.

– Давайте откроем, – предложила она. – Нора, ты не возражаешь?

– Почему бы и нет?

Кори сфотографировала сверток, а потом Нора взяла его руками в перчатках.

– Ух ты, – сказала она, взвешивая предмет на ладони. – Тяжелый.

Она осторожно развязала узел и развернула жесткую кожу.

Внутри обнаружился великолепный золотой крест, отделанный драгоценными камнями, тускло поблескивающими в полумраке подвала. Похоже, камни были настоящими.

– Обалдеть! – воскликнул Скип.

– Какой красивый, – прошептала Кори.

Держа крест одной рукой, Нора выудила из кармана лупу, поднесла к глазу и внимательно осмотрела драгоценный предмет, поворачивая его то в одну сторону, то в другую.

– Он настоящий? – спросил Скип.

– Весит немало, – ответила Нора после долгой паузы. – К тому же совсем не потускнел. На сто процентов уверена: это чистое золото. Мастерство ювелира впечатляет: огранка и филигранная проработка деталей выполнены настолько тонко, будто эту вещь делали под микроскопом. И я уверена, что все эти камни настоящие: рубины, сапфиры, изумруды, бирюза, лазурит.

– Он очень старый? – спросила Кори.

Нора помедлила:

– Я бы сказала, времен испанского колониального владычества. Скорее всего, семнадцатый-восемнадцатый век. В первый раз вижу такое великолепное золотое изделие.

– А сколько он стоит? – поинтересовался Скип после очередной короткой паузы.

Нора фыркнула:

– Другого вопроса от тебя и не ждала! С археологической точки зрения он бесценен.

– Но чисто теоретически, если выставить крест на продажу, сколько за него можно выручить?

Нора задумалась:

– Даже не представляю. Сто тысяч? Полмиллиона? Ни в одном музее таких не видела.

Скип присвистнул:

– Ну парень дает! Зачем он притащил с собой в город-призрак такую ценную вещь?

«Хороший вопрос», – подумала Кори.

Внезапно Скип оживился:

– Слушайте, а вдруг при нем есть и другие ценности? Давайте поищем!

– Эй! – возмутилась Нора, как только он потянулся к телу. – Руки прочь!

– Мы исследуем останки в лаборатории, – сказала Кори, – и, если там есть что-то еще, обязательно найдем. А сейчас давайте положим золотой крест в контейнер вместе с телом и поедем скорее в Альбукерке. А то как-то не по себе из-за того, что на нас лежит ответственность за такое сокровище.

12

– Добро пожаловать в мою патологоанатомическую лабораторию! – объявил Найджел Лэтроп с ярко выраженным британским акцентом, открывая дверь перед Кори.

Ей не понравилось слово «моя», и все же она растянула губы в дружелюбной улыбке и шагнула внутрь. Морвуд пару раз прозрачно намекнул Кори, что с Лэтропом ссориться не надо. Этот судмедэксперт проработал в отделении ФБР в Альбукерке целую вечность и приобрел репутацию безобидного чудака, которого все любят – или говорят, что любят. Но на самом деле Лэтроп – та еще заноза в заднице, поэтому для Кори особенно важно расположить его к себе.

«Лэтроп – мастер на все руки, – рассказывал Морвуд. – Он начинал работать в те времена, когда криминалистику еще не разделили на разные области. Занимался основами основ: анализом волос и волокон ткани, отпечатками пальцев, анализом брызг крови, анализом крови. Короче говоря, всем тем, что нужно сделать побыстрее и ради чего образцы не нужно отправлять в Национальную лабораторию».

Морвуд предположил, что Лэтропа, скорее всего, не порадуют широкие познания Кори в сфере судебной антропологии. А если Лэтропу кто-то не нравится, он с легкостью находит способ затянуть работу или вообще притворяется, что его ставят в тупик простые и очевидные для специалиста вещи.

Кори пообещала любой ценой наладить отношения с Лэтропом. В результате она ждала этого знакомства с любопытством и с легкой опаской. Пожав Лэтропу руку, она обнаружила, что ладонь у него прохладная и сухая, как металлический поручень. Лэтроп был маленького роста, худощав, с заостренной седой бородкой, тонкими губами и подпрыгивающей походкой. Он всячески изображал радушие, однако выражение его лица трудно было назвать приветливым.

Лаборатория в подвале отделения ФБР в Альбукерке выглядела довольно обшарпанной, преклонный возраст оборудования бросался в глаза. Кори шла за Лэтропом, оглядывая стопки доставленных, но еще не распечатанных контейнеров. Наконец они шагнули в тесную, ярко освещенную прозекторскую. Почти все место в ней занимали три каталки с желобами, на которых лежали находки, только что сделанные в Хай-Лонсеме: на одной – мумифицированное тело, все еще лежавшее в застегнутом на молнию белом пакете, на другой – пластиковые контейнеры с костями мула, на третьей – сгнившие артефакты.

Лэтроп сменил твидовый пиджак на белый лабораторный халат, висевший на вешалке. Потом вытащил из настенного диспенсера пару нитриловых перчаток, натянул их на руки, после этого надел маску и медицинскую шапочку. Кори последовала его примеру.

– Ну-с, что у нас тут? – произнес Лэтроп, направляясь к большой каталке.

Склонившись над пакетом, он быстрым движением расстегнул молнию и широко развел края в стороны. Поджав губы, заглянул внутрь.

– Помогите достать тело.

Иссохшая мумия застыла в позе эмбриона, одна рука поднята, другая прижата к груди. Когда Кори и Лэтроп уложили тело на каталку, из трещинок в засохшей плоти и остатков сгнившей одежды посыпался песок, вскоре образовавший небольшие холмики.

Сцепив руки за спиной, Лэтроп обошел вокруг тела, время от времени задумчиво хмыкая.

Он перешел к другим каталкам, окинул взглядом кости мула и разваливающиеся корзины, а потом замер возле креста, лежащего рядом с куском кожи, в которую он прежде был завернут. Лэтроп осторожно взял крест, повертел в руке, поднес к свету.

– Впечатляет! – произнес он, положил крест обратно и повернулся к Кори. – Вижу, работа предстоит большая. К какому сроку желаете получить отчет?

Кори нервно кашлянула:

– Вообще-то, я рассчитывала, что буду работать с вами.

Лэтроп удивленно вскинул брови:

– Вот как?

Кори подавила всплеск раздражения:

– У меня диплом в сфере судебной антропологии, поэтому мне и поручили вести это дело. Разве специальный агент Морвуд вас не предупреждал?

– Ах да, верно! Прошу прощения. Морвуд упоминал о вашей профессиональной подготовке. Конечно, я привык работать один, но помощь мне не помешает. Рад, очень рад.

Однако его лицо выражало какие угодно эмоции, кроме радости.

Кори напомнила себе, что, хотя она как специальный агент имеет более высокий статус, чем Лэтроп, в отделении Альбукерке он ветеран службы, а она всего лишь новичок, вдобавок недавно опозорившийся. Не стоит ссориться с ним из-за того, кто здесь главный, особенно если вспомнить, о чем ее предупреждал Морвуд.

– Весьма любопытная головоломка, не правда ли?

Лэтроп обошел вокруг каталки, потирая руки и причмокивая губами, как будто собиравшись приступить к трапезе. У Кори сложилось впечатление, что ему действительно интересно: он не был похож на специалиста с профессиональным выгоранием, механически выполняющего свои обязанности.

– Что ж, приступим, – произнес он. – Я начну с тела, а вы пока займитесь артефактами.

– Моя специализация – биологическая антропология, – возразила Кори, стараясь говорить авторитетно и при этом не показаться стервой. – Возможно, от меня будет больше пользы, если я поработаю не только с артефактами, но и с человеческими останками, как вы считаете?

Лэтроп нахмурился:

– Полагаю, что да.

– Но сначала, наверное, следует взглянуть на рентгеновские снимки?

– Разумеется.

Лэтроп включил дисплей, пощелкал клавишами, и на плоском экране возникли снимки. В прозекторской повисла тишина. Кори и Лэтроп осматривали кадры один за другим. Начали с черепа. Кори хотела провести компьютерную томографию, но Морвуд был категорически против из-за больших расходов и того факта, что речь пока идет о неофициальном расследовании.

– Пломбы и зубные протезы отсутствуют, – отметил Лэтроп. – А значит, стоматологической карты, которая помогла бы установить личность покойного, в архивах нет. Очень жаль.

Кори попыталась сосредоточиться на снимках. Во время обучения ее поразило то, как легко пропустить важную деталь, которая становится очевидной, стоит кому-то на нее указать. Кори была полна решимости не упускать из виду ничего, что мог бы заметить Лэтроп, прежде всего потому, что не хотела, чтобы он ею командовал.

– Смотрите, – произнесла Кори. – В лобной кости тонкая трещина. Похоже, это закрытый перелом. А вот еще одна, в клиновидной кости.

– Вижу, – ответил Лэтроп, увеличивая масштаб и резкость изображения. – Да, действительно. Трещины очень тонкие, но четко выраженные.

Они перешли к снимкам других частей тела.

– И здесь такая же тонкая трещина, – сказала Кори, указывая на ребро.

Лэтроп пригляделся внимательнее и увеличил снимок.

– Признаки формирования фиброзно-хрящевой мозоли отсутствуют, – заметила Кори. – Вероятно, травмы получены прямо перед смертью.

Лэтроп что-то буркнул в знак согласия.

– Смотрите, еще одна трещина! – продолжила Кори. – И еще! На снимках номер четыре, пять и шесть. Видите?

Лэтроп промолчал.

– Все трещины в передней части тела, – сказала Кори, невольно поддаваясь азарту. – И все появились перед смертью. Может быть, они возникли в результате падения? Как вы считаете?

– Может быть,ждемся результатов осмотра, а потом уже будем делать выводы? – язвительным тоном осведомился Лэтроп и поджал губы.

Кори нервно сглотнула и постаралась скрыть досаду.

Оставшиеся рентгеновские снимки изучали в полной тишине. Лэтроп повернулся к Кори:

– Сейчас я покажу вам, как правильно вести видеозапись нашего не слишком приятного осмотра.

«Так-то лучше», – подумала Кори.

Лэтроп включил систему видеозаписи и проверил, работает ли она. Кори внимательно следила за тем, что он делает, стараясь все запомнить.

– А теперь приступим к работе, – объявил Лэтроп. – Мы оба должны назвать дату, время и место, а также наши имена и должности. Во время осмотра будем озвучивать каждое свое действие. Все ясно, юная леди, или мне повторить?

– Все ясно.

Кори отрабатывала эту процедуру много раз во время занятий по патологической анатомии в Колледже уголовного права имени Джона Джея. Правда, там оборудование было получше.

Они встали с двух сторон от тела и принялись за работу. Лэтроп стал срезать плащ, а Кори помогала. Сначала разрезали один рукав, потом сделали разрезы спереди, чтобы плащ можно было снять по частям, не повредив хрупкую мумию. Плащ сложили, поместили в контейнер для улик и запечатали.

– Спереди на рубашке обнаружено коричневое пятно, – объявил Лэтроп. – И такие же пятна вокруг носа. Судя по всему, незадолго до смерти у объекта было сильное носовое кровотечение.

Кори хотела было заметить, что это еще одно доказательство в пользу падения, однако решила воздержаться от комментариев. Она работала молча, предоставив Лэтропу озвучивать на камеру стадии процесса. Осмотрев и сфотографировав пятна крови, они срезали рубашку, майку и брюки и тоже поместили эти предметы одежды в контейнеры для улик. С ботинками пришлось повозиться: кожа усохла и деформировалась. Ее срезали с крайней осторожностью. Но даже при этом кусок ноги отломился, прилипнув к ботинку. От кожи его отделяли предельно аккуратно.

Кори втайне надеялась, что в карманах покойного обнаружатся еще какие-нибудь сокровища, кошелек или хотя бы документы, однако они с Лэтропом нашли только мелочь. Кори достала монеты и разложила на краю каталки: два раза по двадцать пять центов, пять никелей и четыре пенни. Лэтроп уже собирался убрать деньги в контейнер, но тут Кори нарушила молчание:

– Давайте проверим даты.

Лэтроп наблюдал за тем, как Кори по очереди берет монеты и записывает даты выпуска – от 1922 до 1945 года. Самым новым оказалось пенни, почти не бывшее в употреблении, и Кори сочла, что это важная деталь.

– Похоже, *terminus post quem*¹⁰ – тысяча девятьсот сорок пятый год, – заметил Лэтроп, разглядывая пенни через лупу.

¹⁰ Предел, после которого (*лат.*) – самая ранняя возможная дата чего-либо, обозначающая известный предел датировки события.

– Получается, что он умер в сорок пятом году или чуть позже, но никак не раньше, – сказала Кори.

– Дорогая моя, «terminus post quem» именно это и означает, – произнес Лэтроп, устремив на нее взгляд разочарованного преподавателя.

«Вот козел!» – подумала Кори, улыбаясь в ответ. Неужели в Колледже Джона Джея она витала в облаках как раз на той лекции, на которой об этом рассказывали? Надо посмотреть этот термин в «Гугле» и выучить его назубок, чтобы снова не опозориться.

Теперь тело лежало перед ними полностью обнаженное и беззащитное. Заглянув в брюшную полость, Кори заметила, что там свил гнездо какой-то грызун, причем выложил дно травой и обрывками хлопка.

– Какой уютный домик, – заметил Лэтроп. – Все в лучших традициях хюгге¹¹.

Он осторожно вытащил гнездо, стараясь его не повредить, и положил в контейнер для улики.

Кори понятия не имела, что такое «хюгге», однако спрашивать не собиралась.

– Нас особенно интересуют токсикологическое исследование и результаты патологоанатомического вскрытия, – сказала Кори. – Выражение лица и поза мужчины наводят на мысль о возможном отравлении. Я бы порекомендовала извлечь желудок, печень и почки для анализа.

– Учту, – произнес Лэтроп.

Он взялся за инструменты и принялся деловито шелкать в брюшной полости. Кори отошла в сторону. Вскоре Лэтроп извлек необходимые органы. Все они были сморщенными, как старые яблоки. Каждый был помещен в отдельный контейнер.

– И образец волос, пожалуйста, – прибавила Кори.

Щелк, щелк – и многочисленные волоски, сохранившиеся на голове мужчины, очутились в пробирке.

– Сердце, мозг, легкие интересуют? – уточнил Лэтроп.

– Пока нет. И если не возражаете, на этом я бы хотела завершить вскрытие: для компьютерной томографии тело должно оставаться в нетронутom состоянии, насколько это возможно. На случай, если будет официальное расследование.

– Как пожелаете.

Лэтроп накрыл тело, а потом принялся расставлять и подписывать контейнеры с уликами. Тем временем Кори разбирала вещи мужчины. Она брала их по одной и выкладывала перед собой. Вот еще какая-то одежда, закопченный котелок, сковорода с вмятиной, приспособление для готовки наподобие гриля, старые спички, завернутые в промасленную ткань, треснувшая банка сгущенки и несколько раздувшихся консервных банок фасоли, открытая консервная банка (внутри еще осталось чуть-чуть засохшего мяса), сломанный компас, открывалка, карманный нож, две пустые фляги объемом две кварты и такая же пустая набедренная фляга с логотипом канадской марки виски «Рич энд Рэар». Но ни записной книжки, ни карт, ни документов – и уж тем более никаких драгоценностей. Ничто не помогало понять, зачем этот человек приехал в Хай-Лонсам. Кори убрала все вещи в контейнеры с подписями и перешла к скелету мула, сваленному в большой контейнер. В отличие от хозяина, животное мумификации не подверглось, скорее всего потому, что его тело находилось на открытом воздухе. Кори вытащила череп вместе с пулей, от которой погиб мул, и извлекла ее из черепной полости. Двадцать второй калибр. Кори запечатала пулю в пакет и положила пакет и череп на каталку.

– Это лошадь или мул? – спросил подошедший Лэтроп с видом экзаменатора.

– Я предположила, что это мул, но точно не знаю, – ответила Кори.

Лэтроп просиял. Хмурая гримаса исчезла, и он склонился над черепом, взял его в руки и осмотрел со всех сторон, прищурив сначала один глаз, потом другой.

¹¹ *Хюгге* – понятие, возникшее в Скандинавских странах, обозначает ощущение уюта, комфорта и душевного спокойствия.

– Лет тридцать назад мы расследовали одно дело, – начал он. – Мужчина украл мула, а хозяин догнал вора и убил его. Животное также погибло во время перестрелки. Это произошло глубоко в горах Сандия, и скелеты были найдены лишь двадцать лет спустя. Личность застреленного мужчины установить не удалось, но имелись основания подозревать, что это похититель мула. Поэтому было особенно важно установить, ехала жертва на муле или на лошади. Я провел небольшое исследование: сравнил параметры черепов лошади и мула. До меня данным вопросом никто не занимался – во всяком случае, никто из криминалистов.

– Как же вы это сделали?

– Раздобыл несколько десятков черепов лошадей и мулов и произвел различные замеры, после чего составил список средних показателей для каждого вида. Таким образом, мы смогли установить, что перед нами действительно череп мула. Именно это и помогло успешно расследовать дело.

– Умно, – заметила Кори.

– А теперь внимание: тот же самый метод я использую с этим черепом. К сожалению, он продырявлен, но нам это не мешает.

Порывшись в ящике, Лэтроп достал штангенциркуль и принялся измерять разные части черепа, записывая цифры на листе бумаги. Затем он взял старую записную книжку и сравнил результаты с указанными там замерами. Кори отметила, что повторение бывшего триумфа значительно подняло Лэтропу настроение.

– Готово! – объявил он, прерывая ход ее мыслей. – Теперь я точно знаю, что это за зверь. – Выставив острую бородку вперед, он выдержал эффектную паузу.

– Так кто же это: мул или лошадь?

– Ни то ни другое.

Кори растерялась:

– Как это – ни то ни другое? Тогда кто же это? Осел?

– Лошак.

– Ло... кто?

– На самом деле, – произнес Лэтроп тоном лектора, – мул – это гибрид кобылы и осла. А лошак – наоборот, гибрид жеребца и ослицы. Лошаки меньше мулов и больше похожи на ослов, чем на лошадей. Вне всяких сомнений, перед нами лошак.

Эти таксономические¹² факты нагнали на Кори скуку. Лэтроп же, напротив, всем своим существом, вплоть до бороды, излучал ощущение триумфа, и, сообразив, что это ее шанс, Кори решила им воспользоваться:

– Как интересно! Теперь буду знать, что есть такое животное. Вам обязательно надо опубликовать свои исследования.

– Откровенно говоря, я готовлю небольшую статью для журнала «Форенсик экземинар». Так, ничего особенного, всего лишь заметка.

Однако тон Лэтропа никак не соответствовал самоуничижительным речам.

– Уверена, многие с удовольствием прочтут о ваших исследованиях.

– Статья почти готова, осталось ее немного отредактировать. Мне бы не помешал взгляд со стороны.

– Если хотите, я с удовольствием на нее взгляну.

– Да что вы! Серьезно? Это было бы великолепно! Тогда я ее принесу. Ну а пока продолжим осмотр этого джентльмена – и его лошака.

¹² *Таксономия* – раздел систематики, теория и практика классификации организмов.

13

Морвуд сидел на краю стола, скрестив руки на груди, ослабив галстук и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. Видимо, для него свободная форма одежды по пятницам выглядела именно так. Кори заметила, что рядом с Морвудом на столе лежит ее отчет.

– Садитесь, пожалуйста.

Кори опустилась на стул, надеясь, что ее волнение не слишком бросается в глаза.

– Я с интересом прочел ваш отчет, – начал Морвуд. – Поразмыслив как следует и посоветовавшись со старшим специальным агентом, я решил, что мы прислушаемся к вашим рекомендациям и начнем официальное расследование. – Он улыбнулся.

– Спасибо, сэр. Спасибо вам большое.

– Благодарности излишни, – возразил Морвуд. – Это не услуга, пусть даже я поручаю дело вам.

Кори вовремя прикусила язык, чтобы еще раз не сказать «спасибо».

– Мы не знаем, убийство это или нет, однако нам точно известно, что золотой крест представляет огромную ценность, и, как вы совершенно верно указали в отчете, высока вероятность, что этот предмет украден.

– Да, сэр.

– Насколько я понимаю, вы наладили вполне продуктивное сотрудничество с шерифом Уоттсом.

– Да, сэр. Думаю, работать с ним будет легко.

– Это хорошо. Как я уже неоднократно повторял, поладить с местными представителями органов правопорядка – одна из наших основных задач.

Поскольку двухлетний испытательный срок Кори еще не закончился, Морвуд, будучи ее наставником, должен был следить за ее работой над первыми делами. Менторским тоном в лучших традициях Сократа он осведомился:

– Как вы намерены вести расследование?

– Хочу отвезти крест доктору Келли в Институт археологии Санта-Фе для детального анализа, а если получится, то и для идентификации – вдруг кто-то заявлял о его краже.

Морвуд кивнул:

– Одобряю.

– И поскольку теперь это полноценное дело, можно ли сделать компьютерную томографию трупа? Как я писала в отчете, мы обнаружили повреждения, примерно совпадающие со временем смерти: трещины в черепе и ребрах, кровотечение из носа. Все это мелкие травмы, и послужить причиной смерти они никак не могли, но, возможно, во время сканирования удастся обнаружить скрытые повреждения.

– Не возражаю.

– А еще нужно установить личность покойного. Документов при нем не обнаружено, по зубам его не опознать. Можно провести тест ДНК, но, учитывая, что тело пролежало в земле семьдесят пять лет, вряд ли этот человек есть в базе данных. Конечно, мы можем отыскать его родственников, но на это уйдут месяцы, да и вообще не факт, что это нам что-то даст.

– Как вам хорошо известно, – согласился Морвуд.

Кори проглотила этот завуалированный намек на ее последнее (и пока что единственное) крупное дело.

– Можно взять отпечатки пальцев. В Колледже Джона Джея я освоила пару методов, но пальцы мумии придется ампутировать.

– Хорошо.

– Ну а если все это не даст результатов, я произведу реконструкцию лица, – добавила Кори. – Это была моя специализация в колледже.

Еще один кивок.

– А как насчет места обнаружения тела?

– А что насчет него?

– Вам не кажется, что оно требует дальнейшего изучения?

– Вы имеете в виду весь город-призрак?

Морвуд молча ждал ее ответа.

– Да, пожалуй, – согласилась Кори, хотя ей эта идея почему-то не понравилась.

– При мужчине обнаружен ценный предмет из золота. Возможно, где-то поблизости спрятаны и другие сокровища. Как вы смотрите на то, чтобы отправить в Хай-Лонсам группу по сбору улик?

– Отличная мысль, сэр.

– Рад, что вы так считаете. И вот еще что... – Морвуд понизил голос. – Как вы себя чувствуете? Я имею в виду, после инцидента в горах Сандия.

Кори залилась краской:

– Спасибо, все нормально.

– В первый раз стрелять в преступника всегда тяжело, даже если смертельный выстрел произвели не вы.

– Сэр, вообще-то, я уже однажды стреляла в преступника. И проблема именно в том, что смертельный выстрел – не моих рук дело. Я промазала.

Морвуд посмотрел на нее с любопытством:

– К вашему сведению, вы не промахнулись, а попали преступнику в плечо. Благодаря вашему выстрелу он потерял равновесие, и это позволило другим агентам подобраться поближе и ликвидировать его. А пуля, которую он выпустил, улетела в сторону.

– А если бы я попала туда, куда целилась, он бы вообще не успел выстрелить.

– Это верно, – согласился Морвуд. – Но меткость можно развивать тренировками в тире. Как я заметил, вы над этим уже работаете. – Морвуд сделал паузу. – Ну?

– Сэр?..

– Неужели вы не собираетесь спорить с моим последним утверждением?

Кори нахмурилась:

– Не понимаю, о чем вы.

– Я выдвинул несколько аргументов, чтобы облегчить ваше чувство вины, и каждый раз вы мне возражали, причем не задумываясь. А это означает, что вы много размышляли над данной проблемой, гораздо больше, чем следовало бы. Я поручаю вам расследование, и, вероятно, оно окажется сложным. В общем, если в двух словах, не увлекайтесь самообразованием. – Он пристально посмотрел на Кори. – Это ясно, агент Свенсон?

– Яснее некуда, сэр.

Морвуд хмыкнул, затем слез со стола, давая понять, что разговор окончен, и Кори встала.

– Хочу, чтобы вы представили коллегам свое новое дело на нашем еженедельном собрании. В этой истории много необычных обстоятельств, и другим агентам наверняка будет любопытно о них послушать. – Морвуд выдержал паузу. – И кстати, если доктор Келли выяснит что-то важное для расследования, зовите ее к нам: пусть расскажет про золотой крест.

14

Эксперт Брэд Хаки, руководитель группы по сбору улик отделения ФБР в Альбукерке, высадился из служебного фургона и переместил темные очки с кепки «Даллас ковбойс» на переносицу, чтобы солнце не било в глаза, мешая осматривать место поисков. Фотограф Милт Альфьери и второй криминалист Дон Кеттерман тоже вылезли из машины и остановились рядом с Хаки, оглядываясь по сторонам.

– Ух ты! – протянул Альфьери. – Да тут кино снимать можно!

Специальный агент, которому было поручено расследование, прибыл отдельно на джипе «чероки», принадлежавшем шерифу округа Сокорро. Машина остановилась, и агент (это мог быть только агент) вышел из машины с пассажирской стороны, а шериф, на груди которого красовалась большая серебристая звезда, – с водительской.

Хаки не поверил своим глазам. Он ни разу не встречал таких молодых агентов. До чего докатилось ФБР, если нанимает девчонок, которым, судя по виду, и пяти отжиманий не сделать? Надо думать, ее взяли по программе равных возможностей или что-то в этом роде. Что ж, по крайней мере, из себя она очень даже ничего.

Повернувшись к Альфьери, Хаки тихонько присвистнул:

– Зацени.

Специальный агент, бледнолицая, с коротко подстриженными темными волосами, направилась к ним вместе с шерифом, похоже не намного старше ее. Одно ухо у него было залеплено пластырем. Сразу видно, с таким лучше не связываться: на поясе у этого типа висело целых два револьвера.

Агент протянула им руку, и Хаки заметил, что у нее не хватает кончика на одном пальце.

– Коринна Свенсон.

– Брэд Хаки.

– Милт Альфьери.

– Дон Кеттерман.

– Гомер Уоттс.

Гомер? Ну и имечко. Так только в глухих деревнях называют. Глянув на пистолеты, Хаки подумал: интересно, этот парень про Интернет слышал? Или хотя бы про электричество?

Некоторое время они стояли на солнцепеке, по очереди пожимая друг другу руки, а у них над головами с карканьем кружили вороны.

– Спасибо, что проделали такой путь, – произнесла Свенсон. – Дороги здесь, мягко говоря, не самые лучшие в штате.

– Это уж точно, – согласился Хаки. – Ну, так где здесь место преступления?

Свенсон указала на развалины здания на самой окраине города:

– Тело нашли в подвале. Но вообще-то, мы пока не уверены, что речь идет о преступлении.

Двое коллег Хаки принялись выгружать оборудование.

– Не знаете, что находилось в этом здании? – спросил Хаки.

– Есть версия, что публичный дом, – ответил Уоттс.

Хаки хохотнул:

– Не слишком похоже на бордель, если хотите знать мое мнение. Гомер, ознакомьте-ка нас с историей этого городишки.

Уоттс снял ковбойскую шляпу, вытер предплечьем пот со лба и снова надел свой головной убор:

– Благодаря золотой жиле жизнь здесь была ключом. А потом золото стало иссякать. Шахту завалило, погибло много народу, и вскоре после этого люди покинули город.

– Говорите, люди погибли?

– Не меньше десяти человек. Они оказались погребены заживо.

Хаки кивнул. Он всегда интересовался золотоискательством – чисто по-любительски. Позже не мешало бы еще раз сюда наведаться и посмотреть что да как. Наверняка в городке найдутся ценные предметы старины или какие-нибудь любопытные редкости, бери не хочу. А при такой работе Хаки умел искать всякие побрякушки. Взять хотя бы вон тот старый колодец в тени конюшни. Большинство даже не представляет, сколько всего можно вытащить со дна колодца. А этот уже лет сто не видел ведер.

Они дошли до развалин публичного дома и остановились у входа в подвал, наполовину засыпанный песком. Хаки присел на корточки, посветил в подвал фонарем и заглянул внутрь.

– Ну, Коринна, рассказывайте, что тут случилось.

Свенсон присела рядом с ним.

– Тело обнаружили у дальней стены, – начала она. – Видите, там песок раскопан? Мы уже проверили его на наличие улик.

Хаки обратился ко второму криминалисту:

– Дон, давай-ка мы тоже начнем с песка: вдруг что-то попадется?

Взяв лопату, он спустился в подвал. Милът последовал за ним. Кеттерман сверху протянул им лопаты, пилу, кувалду и сито.

– Ребята, берите лопаты. Будем просеивать песок через сито.

Хаки надел маску и принялся за работу, зачерпывая лопатой песок и кидая его на сито. Сразу поднялось облако пыли. Хаки порадовался, что осенний день выдался прохладным; летом они бы в этом борделе окоурились от жары. По мере того как мелкий сухой песок просеивался через сито, на сетке оставалось множество разных предметов: осколки бутылок, дешевые столовые приборы, пуговицы, жестянки из-под табака, гвозди. Но все это не представляло интереса, поскольку было оставлено здесь задолго до предполагаемого преступления.

Вдруг от сита отскочила кость.

– Стоп, – скомандовал Хаки. Он подошел к ситу, взял кость и повертел в руке. – Смотрите, что мы нашли! Плечевая кость! – Хаки оглянулся на агента ФБР: та наблюдала за их работой возле входа в подвал. – Похоже, вы ее потеряли, – заметил он, помахав находкой.

Съехав вниз по песку, Свенсон подошла к Хаки, на ходу натягивая нитриловые перчатки. Криминалист протянул ей кость. Свенсон некоторое время разглядывала ее.

– По-моему, это берцовая кость овцы.

Хаки уставился на нее. Ну дает! И это агент ФБР! Он раскатиисто рассмеялся:

– Овцы? Шутите? Я всю жизнь в костях ковыряюсь, и уж поверьте, человеческую плечевую кость от овечьей берцовой я отличить в состоянии. – Он повернулся к Милъту. – Альфьери, запакуй улику.

Он бросил кость коллеге, тот ловко поймал ее, убрал в пакетик с молнией, застегнул его и сделал подпись маркером.

Хаки с усмешкой повернулся к девице:

– Посмотрим, что это за овца такая.

Девушка, похоже, собиралась ответить, но вовремя прикусила язык – и правильно сделала. Сама виновата, что выставила себя душой.

– Ладно, продолжаем. Вы, конечно, извините, но нам тут и без вас повернуться негде.

Агент выбралась из подвала и снова заняла наблюдательную позицию у входа.

За час они просеяли весь песок, но больше ничего интересного не обнаружили. Хаки стал высматривать укромные места, где можно что-то спрятать. Во время работы в группе по сбору улик он только и делал, что пробивал стены, снимал потолки, разбирал мебель и машины в поисках наркотиков или денег. Современное здание или старинное – у Хаки было звериное чутье на места, где спрятаны ценности, и оно его ни разу не подводило.

– Давайте посмотрим здесь.

Он указал на массивную угольную печь в углу. Когда-то ее использовали, чтобы отапливать здание. Хаки попытался открыть металлическую заслонку, но она настолько заржавела, что сдвинуть ее с места оказалось невозможно.

– Нужна кувалда.

Кеттерман подошел с требуемым инструментом, предварительно закатав рукава.

– Ну-ка, расшиби эту штуковину.

Кеттерман обожал расшибать разные предметы. Несколько ритмичных ударов – и чугунный верх разлетелся. Хаки опустился на колени и, доставая провалившиеся внутрь металлические обломки, принялся копать внутри печи, однако ничего не обнаружил. Криминалист осмотрелся по сторонам. Где еще могли припрятать что-то ценное в 1945 году?

– В стене дверь, заложённая кирпичами, – наконец объявил Хаки, указывая на соответствующий участок.

Кеттерман отложил кувалду и взялся за пуласки – инструмент, сочетающий в себе топор и тесло. Развернув его лезвием к стене, Кеттерман пару раз ударил по стене. Этого оказалось достаточно, чтобы пробить саманный кирпич, за которым действительно обнаружилось пустое пространство.

Хаки посветил внутрь, однако за стеной скрывался всего лишь старый погреб, полный битых стеклянных банок.

Тут сверху донесся голос:

– Извините, конечно...

Обернувшись, Хаки увидел, что Свенсон заглядывает в подвал.

– Да?

– Что вы делаете?

– Разве не понятно? Ищем.

– Неужели для этого обязательно все крушить?

Хаки уставился на нее:

– А что вам, собственно, не нравится?

– Это же историческое здание.

– Велика важность! – отмахнулся Хаки. – Мы федералы, наша задача – обыскать место преступления. Мы выполняем свою работу как положено.

Лицо агента Свенсон скрылось. Хаки покачал головой, удивляясь, с чего вдруг эта девица переживает из-за сохранности развалин борделя. И вот такую новую смену нынче готовит ФБР? Уму непостижимо.

Прорубив себе путь в крошечный погреб, криминалисты не нашли там ничего особенного.

– Пойдем наверх.

Выбравшись из подвала, они вошли через пустой дверной проем на первый этаж. Потолок частично обвалился, однако пространства для поисков сохранилось предостаточно.

– Осторожно, пол гнилой, – предупредил Хаки.

Бордель Хай-Лонсама, по его мнению, оказался весьма посредственным: одна гостиная, бар, сломанные столы и стулья, бесчисленное множество битых бутылок из-под виски и стаканов, старинное пианино. Лестница вела в небо, второй этаж обрушился полностью.

Самым очевидным местом для тайника было пианино. Хаки кивнул в его сторону:

– Ну-ка, Дон, сыграй нам что-нибудь.

Кеттерман, по-прежнему державший в руках пуласки, подошел к инструменту, прицелился и изо всех сил ударил по нему сбоку, прямо в стыковой шов. Пианино ответило громким дребезжанием. Кеттерман бил по нему снова и снова, пока не отлетела боковая стенка. Хаки посветил внутрь фонарем.

– Секундочку, – вмешался шериф Уоттс. Он стоял в дверях, а из-за его спины выглядывала девица из ФБР. – Вы что творите?

– Разве не видно? – проворчал Хаки.

Как же ему надоели эти двое – только и знают, что лезть не в свое дело!

– Это вам не нарколабораторию громить! – возмутился Уоттс. – Имейте уважение к старине.

– Ну да, конечно, сейчас мы это пианино по частям разбирать будем. Неделю тут хотите просидеть? Нет, мы так не работаем. Для нас это стандартная процедура. Или, по-вашему, на этой развалюхе кто-то будет играть вальсы?

– Наш город-призрак поразительно хорошо сохранился, и не следует наносить ему лишний урон. Да, это федеральная земля, а вы из ФБР, но это не значит, что вы можете хозяйничать здесь как заблагорассудится.

– А теперь послушайте меня, *Гомер*, – с насмешкой произнес Хаки. – У вас своя юрисдикция, а у нас своя. Я возглавляю группу ФБР по сбору улик, мы работаем по собственным правилам. Думаете, вы первый жалуетесь? Никто не любит, когда его барахло разносят вдребезги. Идите-ка лучше поупражняйтесь в меткости. – Хаки фыркнул. – Хотя в двойных магазинах моего «зига» патронов больше, чем в обоих ваших револьверах, вместе взятых.

– Если умеешь стрелять, хватит и одного патрона, – ответил этот сопляк.

Некоторое время они молча глядели друг на друга.

– Но раз уж вас так смущают наши методы... – сказал Хаки, внезапно решив дать мальчишке поблажку. – С пианино будем обращаться бережнее. Слышал, Дон? Аккуратнее с инструментом. Вернее, с тем, что от него осталось.

– Как скажешь.

Они ходили по комнатам, разбирали пол, ломали мебель и стены в поисках тайников, но ничего не нашли. Хаки раздражало то, что Свенсон и Уоттс таскались за группой по всему дому, следя за каждым их шагом. Ему сегодня и так пришлось встать в четыре часа, да еще с похмелья, а потом тащиться в эту глушь.

– Теперь проверим нужник, – распорядился Хаки.

Отхожее место располагалось позади развалин, силуэт покосившейся прямоугольной будки четко вырисовывался на фоне голубого неба. Кеттерман зашел внутрь вместе с пуласски. Несколькими ударами он разворотил гнилое основание и свалил эту штуку, точно дерево. Частично засыпанная песком яма оказалась выставлена на всеобщее обозрение.

– Надо копать.

Установив сито, они взялись за дело. Дерьма тут, конечно, давно не осталось, только песок и земля, однако всяких интересных вещиц на сетку падало великое множество: монеты, битые бутылки из-под виски, очки... А потом вдруг блеснуло что-то золотое.

– Смотрите!

Кеттерман взял этот предмет в руки, и Альфьери его сфотографировал. Это оказалась золотая монета «Голова индейца».

Подожли Свенсон и Уоттс.

– Тысяча девятьсот восьмой год, – прокомментировал Хаки, взяв монету у Кеттермана. – Видно, кто-то пошел по нужде и случайно обронил ее.

– На всякий случай заберем ее как улику, – сказала Свенсон. – Хотя она, скорее всего, не имеет отношения к телу.

Хаки убрал монету в контейнер и запечатал его. Нет, он точно вернется сюда и перевернет тут все вверх дном. Кстати, официальные поиски стоило бы вести без особого рвения, чтобы больше осталось на потом. Хаки уже начал жалеть о том, что стал обыскивать отхожее место в присутствии стольких свидетелей.

– Теперь осмотрим остальную часть города. Сделаем это быстро – и из уважения к вам постараемся работать деликатно.

– Спасибо, – произнес шериф.

Хаки не ответил.

– Покажите, где нашли скелет мула и седло.

Свенсон привела их к загонам возле конюшен. Хаки сразу заметил место, где кости мула были выкопаны из земли. Криминалисты установили сито, и Кеттерман принялся работать лопатой, кидая землю на сетку. Обнаружилась целая куча бесполезного барахла и несколько костей.

Хаки показал Свенсон одну из них.

– Опять овца? – с усмешкой осведомился он.

– Нет, мул.

Хаки отшвырнул кость в сторону:

– Ну хоть на этот раз угадали.

Они прошли через весь городок от одного конца до другого, сфотографировали все уцелевшие комнаты и поискали в самых очевидных местах, но ничего примечательного им не попало. Впрочем, на этот раз Хаки следил за тем, чтобы коллеги не слишком усердствовали.

Наконец они вернулись к фургону. Хаки заглянул в ордер на обыск. Теперь им предстояла самая интересная задача: обыскать золотой рудник внизу плато.

– Тут написано, – прочитал Хаки краткие инструкции для группы, составленные лично агентом Свенсон, – что у покойного нашли снаряжение для скалолазания и спуска по веревке. Возможно, он спускался в шахту – или собирался, но не успел. А еще здесь говорится... Минутку! Я должен спуститься в шахту вместе с агентом Свенсон?!

– Именно так, – подтвердила девица.

– Кто это, черт возьми, решил?

– Я. Вы ведь взяли с собой снаряжение?

У Хаки глаза на лоб полезли.

– Разумеется, но я думал, что полезу в шахту с Доном. Вы хоть умеете спускаться по веревке?

Свенсон кивнула.

Хаки постарался скрыть раздражение:

– Час от часу не легче. Ладно, идемте за снаряжением и полезем в рудник.

15

Золотой крест в пластиковом лотке, выложенном черным бархатом, лежал под стереоскопическим микроскопом, настроенным на малое увеличение. Нора перемещала предметный столик, изучая крест. Тут в лабораторию вошел Орландо Чавес. Его седые волосы, театрально зачесанные назад с аристократического лица, ниспадали почти до плеч. Твидовый пиджак и ковбойский галстук-шнурок с огромной бирюзовой пряжкой, которую впору вместо камня привязывать на шею утопленнику, выдавали в этом человеке одновременно и профессора, и выходца с Запада. В институте Чавес выступал экспертом по истории испанской колонизации Америки. Среди коллег он нравился Норе больше всех. Их знакомство состоялось, когда она еще была аспиранткой и трудилась над диссертацией.

– Красота! – произнес он, причмокивая губами, будто перед ним лежал аппетитный кусок торта. – Удивительно, как вы всегда умудряетесь оказаться в центре событий! Ну-с, давайте посмотрим.

Нора уступила Чавесу микроскоп. Он склонился над окуляром и стал пристально разглядывать находку, забавно шевеля кустистыми бровями. Нора ждала, пока Чавес двигал предметный столик, изучая крест с предельным вниманием.

– Можно его перевернуть? – спросил профессор.

– Если не возражаете, лучше это сделаю я. Таковы строжайшие инструкции ФБР, – ответила Нора.

Натянув нитриловые перчатки, она положила крест лицевой стороной вниз, сняла перчатки и бросила их в мусорное ведро. Нора их терпеть не могла.

Еще несколько минут внимательного разглядывания. Наконец Чавес поднял голову и часто заморгал, а потом шумно выдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.